

Василий Лягоскин

ДОМА МЫ НЕ НУЖНЫ

последняя битва
спящего бога

Василий Лягоскин

**Дома мы не нужны.
последняя битва спящего бога**

«Издательские решения»

Лягошкин В. И.

Дома мы не нужны. последняя битва спящего бога /
В. И. Лягошкин — «Издательские решения»,

Это четвертая, последняя книга о приключениях полковника Кудрявцева и его друзей в далеком прошлом. Может, эти герои еще вернутся на страницы рукописи... но это будет совсем другая история. А пока впереди встреча с таинственным существом, которое племена неандертальцев тысячи лет считали богом — великим и ужасным...

Содержание

Глава 1. Ринат Акимбетов. Командир татарских партизан	6
Глава 2. Профессор Романов. Не валяй дурака, Америка	13
Глава 3. Анатолий Никитин. Опять с высоты птичьего полета	23
Глава 4. Профессор Романов. Маяк смерти	30
Глава 5. Борис Левин. Трижды рожденный	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Дома мы не нужны
последняя битва спящего бога
Василий Иванович Лягошкин**

© Василий Иванович Лягошкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Ринат Акимбетов. Командир татарских партизан

Голова не болела. Совсем не болела – хотя выпито было вчера столько, что Ринат даже потерял счет рюмкам; а уж что в них наливалось к окончанию вечера, не мог бы наверное, ответить никто из собравшихся в этой чисто побеленной комнате. Главным украшением в ней был богатый дастархан – длинный низенький столик, уставленный восточными яствами. Впрочем восточных – это для тех краев, для маленького татарского городка – в котором Ринат Акимбетов, тренер детской спортивной школы, жил уже три десятка лет.

А здесь, в еще более крошечном узбекском Янгикургане, блюда, источавшие вчера умопомрачительные запахи, язык не поворачивался назвать иначе, как родными. Плов, шурпа с косточкой, домашние самсы и манты; наконец шашлык – из гиссарского барана, того самого, курдюк которого пошел на плов. И все это великолепие, изготовленное повзрослевшими (язык опять таки не повернулся назвать постаревшими) одноклассниками, съели сами поварахи и их одноклассники.

Да – впервые за тридцать лет после окончания школы сразу пятнадцать выпускников десятой средней школы семьдесят седьмого года выпуска встретились на родной земле. Сходили вместе в школу; поудивлялись, что в ней ничего не осталось русского – а ведь это была когда-то единственная русская школа в районе, и учиться в ней было сверхпрестижно. По крайней мере дети всех местных начальников учились именно в ней. Но в их классе таких не было. По крайней мере и в те счастливые годы, и сейчас никто не выпячивал свое «я»; не хвалился обретенным богатством или свалившейся на голову славой.

Хотя поговорили немало. Весь вечер и часть ночи обменивались рассказами о прошедших десятилетиях; смеялись, вспоминая школьные годы – и все это, набивая животы так, что ближе к утру никто из одноклассников уже и не помышлял расходиться по комнатам, где их ждали кровати. Местных девчат (женщин, уже бабушек) проводили по домам еще ранним вечером (восточные традиции, куда денешься!); так что за столом теперь следила только хозяйка – Минаввар (по школьному Минюша); муж ее, тоже одноклассник, Амир, развалился во главе стола. По длинной стороне сидели Ринат, и еще два пузатых мужика – Абдусамат и Салим – которых он, если бы прошел мимо по улице, сразу бы не признал. Впрочем у последнего внушительное пузо не было так заметно на громадном плечистом теле. Пятым за длинным столом сидел столбиком вроде бы совсем не пьяный Рашит – самый стройный из собравшихся.

Ринат посмотрел на часы – как раз, когда в комнату вошла Минаввар – было ровно пять утра.

– Ну что, я вам больше не нужна? – усталым голосом произнесла женщина.

– Как это не нужна? – вскочил на ноги ее муж, – очень даже нужна.

По его лицу было видно, что прошедшие тридцать лет сделали их союз еще крепче. Но Ринат не позавидовал их счастью – у него самого семья была дома, в Татарстане, такая, что он каждую секунду хотел быть там, рядом с мамой, женой и пятью детьми – главной радостью и гордостью его жизни. Может поэтому он пробормотал про себя: «Это я тут никому не нужен!», имея в виду, что нужен он больше всего дома. Ринат даже прикрыл глаза, чтобы представить в памяти родные лица, когда рядом громко вскрикнула Минюша.

В открывшиеся тут же глаза хлынул свет, настолько яркий, что впору было снова зажмуривать что было силы веки. Акимбетов и сделал бы так, если бы с неба не упала тень – огромная и опасная, если принимать во внимание громкое хлопанье крыльев и грозный клекот невероятно большой птицы, летевшей в комнату, у которой почему-то не было стены, вперед расто-

пыренными ногами. На лапах этих медленно разжимались огромные острые когти, жаждущие живой теплой добычи.

– И как я только замечаю такие подробности? – удивился машинально Ринат, вскакивая на ноги вместе со столом, с которого полетело вниз все, кроме скатерти.

Но звона и грохота разбивающейся о деревянный пол посуды он не услышал, потому что недалеко раздался дикий крик, и еще один орел (или что это был за хищник?) взмыл в воздух с дергающимся в когтях телом. А потом криков стало так много, что слух перестал их воспринимать, тем более, что Акимбетов полетел на пол вместе с одноклассниками, когда широкая столешница больно ударила его в грудь.

Черные когти глубоко вонзились в дерево; это было не то, за чем охотился орел, поэтому он наверное не взмыл вверх, как его более удачливые сородичи. Свалившись на задницу, на хвост (эту картину Ринат представил, ухмыльнувшись), пернатый хищник попытался достать человека клювом. Это был всем клювам клюв – огромный, изогнутый наподобие ятагану, точнее двум ятаганам, нацелившимся на Акимбетова. А тот вдруг вспомнил, что он не только тренер по баскетболу, но и бывший замкомандира разведвзвода, сержант Уральской горной бригады. Рука его нашарила рукоять длинного ножа, которым вечером резали по очереди арбуз. Арбуз попался сочный и сладкий, а вот голова орла... Главное – она слетела на пол с первого удара лезвием (вот что значит армейский навык!) – прямо под ноги незнакомой девушке.

– Стоп! – пораженно зафиксировал Акимбетов, – что значит незнакомая? Это же Минюшка Юлдашева – точно так она выглядела на выпускной фотографии, которую вчера рассматривали все вместе.

Он повернул голову направо – туда, где раньше его на ноги вскочил Амир; парень тоже с изумлением уставился на свою жену. Парень! Амир тоже выглядел сейчас не старше двадцати лет.

– Если бы вместо стены, куда влетел этот чудовищный орел, висело зеркало, – подумал Ринат, ощупывая быстро свои щеки с гладкой, без всяких морщин кожей; волосы – снова густые и волнистые. Он поднял к глазам руки – кожа на них начинает увядать первой; ему ли, профессиональному тренеру, не знать об этом!?

Восторг и счастье готовы были хлынуть внутрь парня – да-да, именно парня – если бы не пришедшая вдруг опять мысль о семье: «Как они там?». Впрочем, об этом можно, и нужно было думать позже, когда опасность, падающая сверху, исчезнет.

– А сама она не исчезнет, – понял Ринат, и скомандовал, снова вспомнив армейские годы, – Амир, Салим, берем стол и закрываем стену.

Парни тоже когда-то служили – вчера сами об этом рассказывали. Поэтому подхватили стол без рассуждений. Уже укрывшись за этим хлипким, по сравнению с гигантскими размерами орлов щитом (от одного ведь как-то защитил!) они осторожно выглянули; Минаввар вскрикнула опять – теперь уже громче. Да и как было не вскрикнуть, когда прямо на глазах у нее, и у парней, естественно, разворачивалась жуткая драма.

Огромный орел, словно обычный петух, наступал на трех человек, прижавшихся к стене смутно знакомого кирпичного здания, острый конец высокого зеленого шпилья которого невозможно было разглядеть за остатками потолка. Однако что-то царапнуло память Рината – где-то он видел уже эти стены и этот шпиль, готовый из за катаклизма упасть набок.

– Упал бы – придавил гада, – подумал Акимбетов, готовый выскочить из развалин дома Амира и Мунаввар с единственным оружием в руках.

Однако вмешательства не потребовалось. Пернатый хищник взмахнул крыльями, готовый поразить стальным крючковатым клювом в грудь парня, заслонившего собой девушку с ребенком. Край широкого крыла задел каменную кладку, и орел вдруг вскрикнул, словно его смертельно ранили, и отпрыгнул назад, заслонив проем в стене от окружающего мира.

Под когтями противно закрипели жесткие перья птицы, обезглавленного обеденным ножом, и этот скрип подвигнул Рината еще на один подвиг. Еще один взмах ножом (удивительно какое острое и прочное лезвие попало!) – и вторая голова на обрубке шеи, а вслед за ней и все громадное тело повалилось рядом с первой жертвой. Второе тело упало так, что прохода наружу почти совсем не оставалось – если только карабкаться по скользким, залитым кровью перьям. Но зачем, если на месте стояла дверь, в которую совсем недавно вошла Минюша, три месяца назад получившая первую пенсию по старости.

В эту дверь и шмыгнули осторожно друзья, собрав в узелки, получившиеся из разрезанной скатерти остатки еды и питья. Куда они спешили? Не лучше ли было остаться в комнате, в безопасном месте? Безопасном? – обе туши поверженных гигантов вдруг затряслись и поползли назад, открывая взглядам сразу несколько живых птиц, явно не гнушающихся мясом сородичей. Но и людей они тоже вряд ли оставили бы в покое. Сразиться же с ними в открытой схватке – дураков не было. Во всяком случае Акимбетов себя таковым не считал.

А вот то узкое окошко в кирпичной кладке, куда нырнули парень с девушкой и ребенком, счастливо отделавшиеся от неминуемой, казалось, гибели, почему-то манило. Что за чувство заставило красться туда друзей, Ринат и сам бы не мог сказать; больше того – никогда раньше он не поддавался таким вот позывам; всю жизнь был рационалистом.

Пернатые устроили шумную свалку; не воспользоваться этим было бы непростительной ошибкой – и вот уже вперед, подтянувшись крепкими руками, нырнул в окошко, отстоящее от земли больше, чем на полтора метра, Амир. Следом, ухватившись за протянутую ладонь мужа, исчезла внутри каменного здания Мунаввар. А здание, кстати, уже не было неизвестным – со стороны, окинув весь этот наклонившийся, подобно знаменитой Пизанской башне, комплекс, тянувшийся вверх полумесяцем на золотом шаре – Ринат конечно же узнал один из символов древней Казани – башню Сююмбике. Сотни раз он видел ее, гуляя по столице Татарстана; не раз бывал и внутри – тогда, когда высота ее была вдвое большей, чем сейчас. Мощных нижних уровней квадратного сечения не было; от средних ярусов – восьмериков – осталось полтора. Нижний, срезанный наполовину каким-то огромным лезвием, и позволил сейчас людям относительно легко забраться внутрь.

Орлы – по крайней мере один из них – заметили наконец бегство победителей двух их сородичей. С громким возмущенным клекотом хищник одним прыжком преодолел практически все пространство, отделявшее башню от бывшего дома Амира; ладонь Акимбетова, оставшегося последним снаружи спасительных стен, тем временем почти заполнилась красноватым порошком, который парень неосознанно скоблил с древних стен лезвием ножа. Несколько мгновений длилась эта операция; еще меньше заняло времени швырнуть пыль прямо в глаза обезумевшей от запаха крови птице. Нет – обезумела она после того, как ее крупные глаза заполнила эта пыль, а окрестности – неистовый вопль, в котором трудно было распознать что-то птичье. Если бы орлы могли говорить, этот крик сейчас бы означал: «Бежим! Опасность!». Во всяком случае, небо вокруг на несколько мгновений потемнело от крыльев взлетающих в панике хищников. Рината бросило бы мощным порывом воздуха на землю, если бы он не прилип спиной к кирпичной кладке.

И вот уже вокруг нет ни одного хищника – только истерзанные клочья их жертв заставляют сердца людей сжиматься от горя. Первым в окошко выглянул здоровяк Салим. Он протяжно засвистел, и это было очень скромной оценкой происшедшей трагедии...

Лишь поздно вечером уставшие парни закончили хоронить останки погибших людей. На истерзанных орлов сил уже не хватило. К концу траурных хлопот и Ринат, и его друзья, включая отважного парня, не побоявшегося «сразиться» с орлом голыми руками, назвавшимся Алимом, уже не обращали внимания на огромные тени в небесах, нарезавшие медленные круги, и иногда стремительно нырявшие вниз – в разных частях этой непонятно откуда взявшейся местности. Местность представляла собой что-то типа американской прерии, как

ее представлял себе Акимбетов, местами прерываемой невысокими скалистыми горами. Взобравшись почти на самый верх смотровой башни, он прильнул к маленькому окошку, пытаясь разглядеть – куда ныряют за добычей летающий гиганты.

И увидел – далеко, у горизонта – развалины, подобные тем, что расположились у основания башни на пятачке двадцать пять на двадцать пять метров. Это было точной цифрой – природный шагомер у тренера был отменный, и он два раза прошел по периметру разоренного лагеря, проверяя себя. А заодно и оценивая, что им подарило providения в качестве бонуса за ужас первых минут появления в этом мире. Ринат очень хотел бы поверить, что скоро все проявится, и их, оставшихся в живых, эвакуируют в ближайший город, а оттуда домой, к семье. Хотел поверить, но не мог.

– Ребята, идите ужинать, – это Динара, жена Алима и бабушка (двадцати лет на вид) маленького Рустамчика – сегодня была дежурной по лагерю.

Ужинали на свежем воздухе, под светом заходящего солнца. У каждого из девяти выживших, даже у ребенка, за спиной торчал вверх, наподобие «Стингера», деревянный столбик-балясина. Их выломал, нисколько не смущаясь, Салим из перил лестницы, ведущей внутрь граненого шатра высокой покосившейся башни. И эти деревяшки спасали от орлов лучше настоящих ракет «земля-воздух».

Ужин был достаточно скромным – особенно если сравнивать его со вчерашним затянувшимся пиром. А потом все опять разбрелись по развалинам – теперь актуальны были не продукты, а спальные принадлежности. Ворчащих парней Ринат, взявший на себя командование, распределил по ночным сменам. Себе взял самую трудную, предрассветную – «собачью» – вахту.

– А неплохо было бы сейчас собачку отыскать хоть одну, – подумал он, отпустив зевающего Абдусамата, – а еще лучше – людей. Слишком мало нас... Решено – завтра иду с Салимом в разведку, а остальные пусть обустроиваются, наведут тут в развалинах порядок, насколько это возможно...

Разведку начали в направлении поднимающегося солнца. Тихо позавтракав (чтобы не разбудить Рустамчика), парни вооружились – Ринат все тем же ножом, а Салим добытой где-то дубинкой внушительных размеров. Конечно, идти навстречу лучам низкого пока солнца было не самым лучшим выбором, но в этом направлении Акимбетова звал внутренний голос, и он решил довериться голосу чувств, а не разума – как вчера. И совсем не пожалел об этом, потому что скоро у них появился ориентир – идеально ровный обрыв метров трехсот, над которым они постояли с Салимом на безопасном расстоянии от края. А за ним, за краем, расстилось безбрежное море, шума которого не было слышно – так тихо было сегодня и в воздушном и в водном океанах. Что это было за море? И опять подсказывало чутье – оно сродни тому, у которого он с семьей отдыхал в прошлом году. В Египте, если уж быть точным.

По краю этого обрыва они и пошли, по направлению против стрелки – совсем недалеко, даже ни разу не отдохнули. Потому что ровная линия обрыва тут поворачивала на девяносто градусов, а море под ним сменилось сначала чистейшим песчаным пляжем, а потом бескрайней, поросшей изумрудной травой, равниной. Сколько не вглядывались парни в горизонт, ни одной живой твари – ни двуногой, ни четвероногой, не было видно. Может потому, что все пространство надежно охраняли орлы, нарезавшие в вышине круг за кругом. Иногда один из них менял направление, целя ужасные когти и клюв в Рината с Салимом, но эта глиссада непременно заканчивалась крутой свечкой вверх – балясины надежно охраняли людей.

А потом глазастый Салим разглядел тот лагерь, что Акимбетов видел с высоты древней смотровой башни. В развалины разведчики вступали осторожно, ожидая увидеть не столько врагов, сколько ужасные останки пиршества пернатых. Но здесь было на удивление чисто – в смысле никакой тебе расчлененки, даже крошечных клочков плоти.

– Да, – протянул Салим, оглядываясь, – тут «птичкам» никто не мешал резвиться.

– Какие-то они неадекватные, – поддержал друга Акимбетов, – словно черт знает сколько времени голодали. Даже своих клевать начали.

– А здесь твоей Сююмбике нет? – еще раз оглядел лагерь Салим.

Он тоже был татарин, но на историческую родину не уехал, так и жил в родном Янгикургане; работал дальноточником и изъездил множество городов в ближнем и дальнем зарубежье. А вот в Казань ни одного рейса не сделал.

– Ее здесь и не могло быть, – ответил Ринат, направляясь вглубь развалин, – Сююмбике одна на весь мир, а здесь вместо нее вот эта хижина.

Он подошел к непонятно как очутившемуся посреди железобетонных и кирпичных развалин строению из звериных шкур, имевшему почти правильную конусовидную форму. Нечто подобное схематически рисовал на печке Шарик из мультфильма про Простоквашино, и называлось это нечто вигвамом, жилищем индейцев. А внутри – чудо – действительно была индианочка, девочка не больше семи-восьми лет. Она сжалась в комок в углу хижины, испуганно поблескивая глазенками. Салим, поднатаскавшийся в поездках в английском, ничего путного расспросить у этой постепенно оттаявшей на его руках девчонки не сумел. Она пыталась что-то рассказать, постепенно убыстряя свое повествование. Увы – это была какая-то вариация испанского языка, в котором парни поняли только несколько самых распространенных слов.

Чаще всего девочка пальчиком показывала вверх, на крошечных отсюда (а на самом деле громадных) орлов, и на развалины, где – и без ее рассказа знали парни – вчера эти птицы устроили кровавый пир. Ринат остановился, восхищенно присвистнув – именно о таком внедорожнике – огромном «Линкольне Навигаторе» он когда-то мечтал. Мечтал рассадить по его шикарным кожаным сиденьям семью (все бы поместились без стеснения) и тронуть его от подъезда под шушуканье бабушек – подружек матери – сидящих на лавочке.

Он сам не заметил, как очутился за рулем, как негромко и призывно зарокотал четырехсотсильный двигатель, и как рядом встал Салим с ребенком на руках, замахавший свободной рукой так, словно отчаянно опаздывал куда-то и просил подвезти. Волна наваждения схлынула одним мгновением, и он заглушил мотор; выскочил из салона и проследил за направлением руки одноклассника, замершей теперь в одном направлении. В том, где с небес падал на землю, кувыряясь неопрятной кучей перьев, один из крылатых хищников. Тут же раздался далекий звук выстрела, и еще один орел словно наткнулся на стену – замер там и тоже полетел вниз. Потом стрельба стала размеренной, но так же неизменно точной.

– Снайпер, – догадался Ринат, – надо бежать туда...

Он дернулся было вперед, но то самое чувство, что толкало его уже второй день навстречу неизвестности, сейчас завопило: «Нет! Туда нельзя – там враги!». И Акимбетов снова поверил внутреннему чутью, решил, что бросаться без оглядки к вооруженным людям, с таким хладнокровием расстреливающим птиц, безрассудно.

– И не жалко им патронов? – подумал он, и звуки выстрелов вдруг прекратились, словно его услышали.

Конечно, это уже было совсем из области фантастики, но тем не менее... парень решил перестраховаться. Подвергать опасности сильного, но совсем не сведущего в искусстве маскировки и скрытного наблюдения за противником Салима, а тем более маленькую индианочку, не стоило. Ринат протянул однокласснику ключи:

– Сумеешь?

Салим обиженно вскинул квадратный подбородок вверх:

– Издеваешься? Я ведь тридцать лет за баранкой, каждый день. Правда мы с тобой и ребятами вчера поддали как следует..., – он сам засмеялся неожиданной шутке, – так здесь и ГАИ наверное нет.

«Навигатор» уехал, осторожно переваливаясь на неровностях почвы, а Ринат побежал трусцой, забирая влево от предполагаемого местонахождения снайпера. Ориентиром для него

было скопление скальных глыб на горизонте. Из было не так чтобы много, да и забраться наверх, не афишируя своего присутствия, было не очень просто. Но бывший сержант горной бригады справился с этой задачей. Даже пятикилометровый кросс не помешал, не отнял сил; напротив – они бурлили в мышцах, просящих дополнительной нагрузки. Это было вполне объяснимо с точки зрения физиологии – опыт десятков лет ежедневных тренировок получил энергию двадцатилетнего тела.

Но теперь надо было загнать эту энергию, эту радость и желание бежать и бежать глубоко внутрь. Теперь надо было вжаться в твердые камни, слиться с ними, чтобы не увидел даже малейшего шевеления тот, ради которого Акимбетов и предпринял этот марш-бросок. У подножия скалистого кряжа расположился лагерь – почти такой же, как татарский, или индейский анклав. Такой же по размерам, но не по тому накалу страстей, что сейчас корежили этот островок развалин посреди холмистой прерии.

Очевидно, здесь жителям удалось быстро отыскать безопасное место, потому что было их много – десятка три. Чернокожие парни, девушки и дети стояли на коленях и молчали – очевидно под страхом наказания. Зато громко говорили и смеялись парни в камуфляжной форме, с оружием, которое они держали с небрежностью бывалых воинов. До этого лагеря сверху было не больше ста метров, и Ринат мог бы разобрать каждое слово вооруженных бандитов, но что толку – в английском, а немногие знакомые слова, указывали именно на этот язык – он был не силен. Зато разбирался в оружии. Автоматические винтовки М-16, самое распространенное оружие армии США, да и многих стран НАТО. Один, на первый взгляд безоружный; кряжистый и неестественно прямой – словно палку проглотил – внимательно оглядывал окрестности. И от этого взгляда хотелось вжаться в камни. Этот человек был опасен – опаснее даже высокого худощавого парня в темном одеянии, также осматривающего все стороны света, но уже в прицел длинной снайперской винтовки.

Вот кряжистый что-то негромко скомандовал, и шум внизу мгновенно прекратился. Он прошел вдоль длинной шеренги коленопреклоненных негров, что-то говоря не отстающему от него здоровяку. Тот кивал и повторял команды для остальных шестерых бандитов, расходящихся широкой цепью за спинами чернокожих. Главарь, дойдя до конца шеренги, на мгновение задумался, кивнул чему-то, или кому-то, и шагнул в сторону, с совершенно невозмутимым видом наблюдая, как один за другим падают чернокожие под выстрелами в затылок.

И никто из них почему-то не вскочил, не попытался бежать, или броситься на убийц. Акимбетов вцепился зубами в кулак, чтобы не вскрикнуть, не вскочить в ярости. Что он мог сделать с одним ножом против вооруженных громил? Или против снайпера? Или – их командира, который, несмотря на внешнее отсутствие оружия, казался опаснее всех своих подчиненных, вместе взятых? Вот главарь поднял голову и поглядел на то место, откуда только что выглядывал татарин.

Чувство опасности взвыло внутри, и Ринат уронил голову на камень, не ощущая ни боли на лбу, ни теплой струйки крови, что мгновенно окрасила серый камень в месте его соприкосновения с головой. А пышную шевелюру словно пригладило горячим хвостом противотанкового снаряда, пронесшегося в миллиметрах от его макушки. Акимбетов не шевелился долгие минуты, уверенный, что бандит не сводит глаз с каменных глыб.

И только когда внизу заревел грозно дизельный движок, и шум его начал удаляться от лагеря, парень поднял голову. Поднял, чтобы убедиться – несуразный броневичок медленно ползет меж холмов, а за ним бредут, подталкиваемые прикладами, с десятков фигур в длинных женских одеяниях – все, кого бандиты оставили в живых.

– Понятно для чего, – пробормотал парень, лихорадочно размышляя, что сейчас ему делать, учитывая, что броневик полз в сторону индейского лагеря.

А оттуда ведут следы «Навигатора» к его друзьям! Ринат закрыл глаза и мысленно воспарил к небу, подобно орлам, которые нарежали круги очень далеко – запомнили, наверное,

место, где один за другим падали вниз их мертвые собратья. И у него получилось! Он словно нарисовал план – вот эта груда камней; вот след броневой машины, затаптываемый голыми ступнями и подошвами американских армейских ботинок (точно – американских!). А вот – их лагерь, в центре которого опасно кренилась Сююмбике.

Тренер Акимбетов никогда в жизни так не бегал. В голове словно огненной иглой был нарисован треугольник, к одному углу которого медленно приближался моторизированный отряд бандитов с пленниками, а к другому бежал он сам, понимая, что неторопливость броневика смахнет словно рукой, когда он станет на след «Навигатора». Если верить этой «карте», то расстояние до родных стен древней башни не превышало семи километров. А если еще и не торопить невидимый секундомер, который отсчитывал секунду за секундой, получилось, что парень намного перекрыл мировой рекорд в беге по пересеченной местности.

Лица друзей, как раз усаживающих вокруг скромного стола (того самого, что защитил их в первые, самые страшные минуты пребывания тут), вытянулись от удивления при виде остановившегося рядом товарища. Особенно изумлен был Салим – ведь он был уверен, что Акимбетов вернется не скоро.

– Собираемся, – прохрипел марафонец, не дожидаясь, пока восстановится дыхания, – враги!

– Какие враги, – очень неспешно и чересчур вальяжно, на взгляд Рината, повернул к нему круглое лицо Абдусамат, – все враги улетели. А прилетят – у нас вот что есть.

Он потряс перед носом Акимбетова балясиной, и это взбесило парня.

– Встать! – вспомнил он вдруг, как «воспитывал» духов, ступив на первую ступеньку командной лестницы в армии, – бегом собираться!

И столько было в его голосе неприкрытой тревоги за товарищей, за маленьких детей, что все вокруг замелькало с немыслимой скоростью. Вот когда пригодился огромный багажник внедорожника; и шикарные сиденья тоже, в которых удобно расположились семь взрослых и двое детей – все, кроме человека, взявшего на себя бремя командования.

– Гони! – захлопнул он дверцу водителя – Салима, – вон в том направлении.

План в голове Рината так и не рассеялся, и сейчас его рука показывала в направлении, противоположном углу пропасти

Он резонно предположил, что это будет самая длинная прямая, по которой сможет здесь проехать автомобиль, если впереди его тоже ждет обрыв.

– А ты? – стекло внедорожника поползло вниз, и на парня уставились девять пар глаз.

– А я, – усмехнулся Акимбетов, – начинаю войну против американцев... Партизанскую войну...

Глава 2. Профессор Романов. Не валяй дурака, Америка

– А потом, – парень напротив командира переступил ногами, ведь команда «Вольно!» для сержанта Советской Армии позволяло это, – мы действительно попартизанили немного.

Он нагнул упрямый лоб вниз, наверное чтобы скрыть гримасу ненависти к бандитам. А рядом встал огромный парень с открытым лицом, напоминавший чем-то доктора Брауна – квадратным подбородком, наверное. Этот солдатский опыт если и имел, сейчас его никак не афишировал.

– Что значит немного? – громко возмутился он, фыркнув, – да америкосы плакали от него – человек двадцать наш Ринат кончил, пока мы петляли между горами, отвлекая их.

– Не двадцать, а всего четверых, – хмуро поправил его сержант Акимбетов, – больше никак было не подобраться. С одиночками справился, даже оружие раздобыл (он потряс автоматической винтовкой), а к их главарю даже на выстрел не решился приблизиться, – он помолчал, и все таки признался, – побоялся. Этот гад, кажется, безо всякого оружия может на расстоянии убить человека. Не знаю как, но может.

Он посмотрел с надеждой на Кудрявцева, и тот улыбнулся, показывая, что парень не свихнулся во время кровавой бойни, развязанной американцами.

– А почему, кстати, американцы? – вмешался в разговор профессор Романов, – ведь ты не понимаешь ни слова по-английски?

– Зато Салим понимает, – командир маленького татарского отряда коснулся плеча огромного товарища, – он на своей фуре пол Европы исколесил, а там без языка никак нельзя (гигант кивнул). Я одного подранка притащил на допрос...

– Потом этот гад начал на нас охотиться – загонять в угол, – продолжил старший из татар, – в тот, где степь соединяется с гадюшником.

Он посмотрел на полковника Кудрявцева и тот кивнул, показывая, что понял, каких гадюк имеет в виду парень. Больше того, командир продолжил за Рината:

– А вы начали собирать веревки и ремни.

– Точно, – с виду совсем не поразился парень, – и в одну темную безлунную ночь спустились вниз – в самом дальнем углу от места... где эти сволочи сбрасывали с обрыва живых людей.

– Ты тоже видел это? – опять вылез вперед профессор.

– Что значит тоже? – не понял его Акимбетов.

– Мы попали на такую казнь, – негромко ответил ему командир, – там снайперу, про которого ты говорил, и пришел конец. Бэйла его кончила.

Он показал на Никитину, невозмутимо выслушавшую похвалу; лицо Рината впервые озарилось улыбкой.

– Этот гад больше всех народу положил. Мы ведь хотели других спасти – но всегда впереди нас оказывались эти дьяволы. Наверное проклятый колдун их наводил. И мне, кстати, от снайпера один раз досталось. Вот, – он продел палец в отверстие на рукаве камуфляжа, – хорошо, было где спрятаться. А рана за пару часов заросла...

– Только жрать хотелось, как голодному волку зимой? – засмеялся рядом Толик Никитин.

– Точно, – удивился татарин; теперь, когда он узнал, что один из врагов мертв, лицо его сбросило безжизненную маску.

Он еще больше расслабился – наверное забыл, как вытянулся недавно в струнку перед человеком в форме полковника Российской армии – и огляделся вокруг. Рината и его товарищей окружали друзья; лица их были полны сочувствия, и профессор не сомневался, что совсем

скоро эти десять человек вольются в большую семью русского лагеря. Вот только как быть с теми, кто бесчинствовал, а может, продолжает это делать на плато? Татарин словно прочел его мысленный вопрос.

– А что будет с остальными американцами?

– Ничего не будет, – ответила на этот раз Оксана Кудрявцева, – в смысле их самих не будет, когда наш командир (она ласково коснулась рукой плеча мужа) придумает, как забраться к ним.

Акимбетов покачал головой, мол: «Вы еще не видели это чудовище в человеческом облике!». Оксана ответила ему взглядом – своим, фирменным, доставшимся в наследство от Седой медведицы. Парень стремительно побледнел, словно увидел рядом главного американского бандита; Алексей Александрович тоже невольно отшатнулся, почувствовав на себе отголосок металлического воздействия.

– Вот, – улыбнулась Кудрявцева, и сразу вокруг словно посветлело, – мы тоже кое что можем. А товарищ полковник (она снова коснулась плеча Александра) такой взгляд легко выдерживает. Ему даже нравится, когда я так смотрю – правда, Александр Николаевич?

Кудрявцев негромко засмеялся – то ли от того, что с ним так официально разговаривает на публике жена, то ли от ее предположения по поводу взглядов.

– Хорошо, – оглядел он собравшихся вокруг него товарищей, – сейчас обедаем, а потом устроим мозговой шторм – как нам попасть на плато и навалить бандитам.

– С минимальными потерями, – подхватил Ринат.

– Без всяких потерь! – строго уточнил командир... и улыбнулся, услышав, как громко зазвенел колокол – тот самый, с которым прибыл в этот мир Серега Благолепов.

– Значит, в школе перемена; нет, – поправил себя Алексей Александрович, глянув на часы, – занятия кончились. Сейчас ребятишек покормят; они побегают – и опять заниматься, теперь уже в кружках. И ни один ведь не болтается без дела.

Шумная ватага заполнила обеденные столы, которые специально изготовили для школьников. А следом спешили учителя со своим директором. Впрочем, Набижон Одылов круто повернул к «взрослой» столовой; у него явно были какие-то дела к командиру. Обычно это были какие-то школьные проблемы, к которым Александр Николаевич подходил с необычайной серьезностью. Впрочем, полковник Кудрявцев к любой проблеме относился очень ответственно. Вот и теперь он встал навстречу директору, а рядом – заметил профессор – вскочили Ринат с Салимом. Лица их выражали крайнее изумление. Огромный татарин первым бросился к Одылову с криком: «Наби!». Невысокий директор утонул в объятиях, а рядом уже переминались в нетерпении, ожидая своей очереди его товарищи.

Как оказалось – и Набижон был в числе тех одноклассников, кого свела судьба двадцатого сентября на встрече в доме Амира и Мунаввар. Только он не стал, вернее не смог пировать всю ночь, даже если бы хотел этого. Потому что утром должен был идти на работу, а появляться в школе с пропитой физиономией, да еще учитывая напряженные отношения с начальством...

– А вот это уже интересно, – протолкался вперед через толпу одноклассников Романов, – это очень интересно. Кажется, мы сейчас узнаем, был ли я прав в своих предположениях.

Уже через десять минут расспросов и Алексей Александрович, и бывшие поселенцы маленького татарского анклава сияли лицами – и больше всего Ринат Акимбетов. Потому что он теперь точно знал, что в родном мире, в двадцать первом веке, друзья проводили его через три дня после памятной ночи в аэропорт, и Ринат улетел в родной Татарстан, к семье. А профессор Романов получил первое реальное подтверждение своей теории...

Когда профессор с Таней-Тамарой подошли к большому столу в лаборатории, там уже вовсю трудился, высунув от усердия кончик языка, сержант Акимбетов. Его проснувшиеся, или приобретенные способности в области виртуальной топографии сейчас ложились уверенными линиями на большой лист ватмана. Впрочем ту схему, которая уже была нанесена

на плотный лист, Алексей Александрович мог изобразить и сам – может не так аккуратно – все те же двадцать пять квадратиков. В центральном был нарисован жирный знак вопроса.

А сержант начал конкретизировать схему, подписывать квадраты в соответствии с хронологией трагических событий на плато. Перед глазами Романова вставала картина первых, самых страшных дней – битва с орлами; казнь чернокожего населения анклава; бессмысленный расстрел из автоматических винтовок золотистого шара и полумесяца на башне Сююмбике, после которого она рухнула, словно не выдержав надругательства; наконец долгие дни и ночи петляний между холмами – до тех пор, пока бензин в баке не кончился, и автомобиль пришлось бросить.

– Больше всего жалею, – с надеждой посмотрел на командира татарин, и стоявший рядом гигант согласно кивнул, – что бросили там «Навигатор». Может получится его сюда спустить?

– Получится, – обнадежил его Кудрявцев, – все у нас получится. В свое время. А сейчас начинаем – кто что надумал?

Первым, конечно же, выскочил вперед Анатолий.

– Я уже предлагал, – зачастил он горячо, – сделаем воздушный шар – да хоть кубической формы. Теплый воздух внутрь, и через несколько минут мы наверху.

– А рулить как? Как с ветром бороться? Будешь там сидеть и болтаться, как... в проруби, – это Холодов, к которому окончательно перешло командование обороной лагеря, возразил – гораздо более спокойно, – а если еще по твоему шару кубической формы из броневишка прямой наводкой жahnут?

– Ну и что пластмассе будет?

– Пластмассе ничего, – усмехнулся Холодов, – а людям внутри? Ты никогда не был в танке, в которую болванка стальная попадает?

– Можно подумать, ты был, – пробормотал тракторист, по тону которого профессор понял, что парень признал правоту оппонента.

Все замолчали. Только командир негромко покашлял; Алексей Александрович опять таки понял, что Кудрявцев что-то придумал сам, но ждет, пока выскажутся остальные.

– Человек-паук! – провозгласил вторую версию Никитин, – кто-то очень ловкий, с перчатками-липучками, которые изготовит товарищ полковник, лезет на скалу и сбрасывает сверху веревку для остальных.

Все посмотрели на командира, понимая, что если этот план из голливудского фильма будет принят, именно ему придется не только с пластмассой поработать, «выпросив» у нее новые невероятные качества для перчаток, но скорее всего и лезть наверх тоже. А Кудрявцев скорчил такую гримасу, словно ему предлагали совершить этот «подвиг» голыми руками. Был ли план у самого командира? У него был план!

– В твоей задумке, Анатолий, – начал он, – есть рациональное зерно. Но сначала представьте себе, как раньше, в средние века штурмовали крепости наши предки.

– Ну, – нерешительно протянул Анатолий, – всякие там баллисты, скорпионы, приставные лестницы; таран с бараньей головой.

– Ага, – насмешливо перебил его все тот же Холодов, – посмотрю, как ты в стену будешь биться своей бараньей головой.

Общий хохот прекратился, как только командир поднял руку.

– Нет, – оглядел он всех, – вспомните, как ратники взбегали по стене крепости при помощи шеста и дружных усилий товарищей, толкавших этот шест...

– Но двести восемьдесят метров! – потрясенно воскликнул тракторист.

– А когда это нас пугали размеры? – отпарировал Кудрявцев, – мост в сто пятьдесят метров сделали, а здесь надо трап длиной метров четырехсот – чтобы угол наклона был в сорок пять градусов. Со ступенями, сплошной аркой над головой – и для жесткости конструкции, и для безопасности. Вдруг кто-то успеет сбросить сверху камешек на пару центнеров. Хотя,

конечно, нужно все продумать так, чтобы исключить даже малейшую вероятность нападения. Точнее, вероятность будет, и очень скоро – но к этому времени наверху тот же броневик должен ждать форт. Какой, кстати, броневик?

Это он повернулся к татарскому сержанту, но тот только виновато пожал плечами.

– А толкать... – не унимался Никитин, – хотя понятно – мой же трактор и толкнет. Только наш трап в стену упрется и все. Ног-то, которыми ратники перебирали, у него нет!

– Зато будут колеса, которые будут вращать постепенно наши богатыри, – он кивнул в одну сторону (на Салима); потом в противоположную – на Марио.

– А ведь есть еще Микола-украинец и Виталик Дубов, – вспомнил профессор, и тоже вступил в полемику, представив, как нарисованное командиром перед товарищами творение ползет по стене вправо или влево – неважно – и падает, и как ломаются внутри него кости все тех же богатырей.

Эта картина поразила многих, но не Александра Николаевича – этот человек не стал бы предлагать план действий, не продумав малейших деталей.

– А вот тут, – хитро улыбнулся он, – и пригодятся предложенные Анатолием липучки. Такие, чтобы колеса могли вращаться, а сдвинуться в сторону – ни на миллиметр. Ну и подстрахуем ребят – вон, хотя бы Бэйла.

Все повернулись к девушке, но та только недоуменно пожала плечами. Командир рассмеялся:

– Лазерный прицел, – объяснил он, – на твоей новой винтовке. Отъедешь подальше в степь и будешь вести кого-нибудь из ребят по выбранному ориентиру. А если трап поедет в сторону...

– Нажмешь на курок, – заржал Анатолий.

Профессор невольно улыбнулся – не сомнительной шутке тракториста, а ставшим уже привычными паре подзатыльников по голове Анатолия. Парень не обиделся на супругу и односельчанку Ольгу, даже затылок не почесал; его глаза загорелись азартом – он тут же присоединился к Ринату и остальным «художникам». Совсем скоро – понял профессор – нарисованная Кудрявцевым картина будет воплощена сначала на бумаге (в масштабе и мельчайших деталях), а затем и в пластмассе.

Он отошел в сторону, где стояли командир с Оксаной; их довольные лица словно говорили: «Мы свою задачу выполнили – теперь ваша очередь, ребята».

– Александр Николаевич, – пришла вдруг в голову Романова неожиданная мысль, – а ведь ты мог бы эту операцию сам провести.

– Легко, – не стал отказываться Кудрявцев, – ну... почти легко. Но ведь мы – команда! Мы должны быть вместе, как говорится – в горе и в радости, ну и так далее...

И профессор Романов понял командира.

– А чем мы займемся, пока будут строить трап?, – он сам же ответил, – у нас же еще пол участка с медведями не обследованы, а потом к саблезубым монстрам можно переезжать. А там глядишь – и осы начнут дохнуть. Только вот что делать со змеями, я так и не придумал. А ты... вы?

Профессор посмотрел виновато на Оксану и все трое рассмеялись. У полковника и насчет последнего участка было готово предложение:

– Вот поднимемся на плато, посмотрим на этих змеек сверху – и сразу все будет понятно...

Три дня, пока лихорадочно строилась четырехсотметровая громадина, не прошли даром. Живых людей разведчики больше не обнаружили, но два трактора безостановочно сновали между «медвежьим углом» и лагерем; комендант ухитрился прятать привозимое добро так, словно его и не существовало в природе. Наружная стена тоже росла – еще более стремительно, чем прежде. Ведь неандертальцы вернулись, и даже вымолили – жалобными взгля-

дами – право на вечерние концерты. Теперь главным музыкантом был Николай Левин. Гармошку свою он куда-то спрятал («Нечего поганить инструмент», – проворчал он, выслушав приказ командира); выбрал концертный баян, играя впервые на котором, морщился, словно жевал лимон.

– Не тот звук, – объяснил он, небрежно хлопая ладонью по перламутровому боку дорожного итальянского баяна, – красиво, но за душу не цепляет. Но для этих дикарей самое то. Души-то у них все равно нет. А может и есть, только не наша, не человеческая.

– А вообще как они тебе? – поинтересовался Никитин.

– Нормальные ребята, – пожал плечами мордвин, – не люди, конечно, но музыкальные способности у некоторых есть.

Полковник Кудрявцев (а Анатолий оказался здесь потому, что всегда старался быть рядом с командиром – тут всегда было интересно) вдруг заинтересовался:

– Покажешь мне этих ребят, Николай Иванович.

Профессор (он старался следовать примеру тракториста) понял, что скоро в жизни русского лагеря должно произойти что-то необычное...

Операция «Буря на плато» – название конечно придумал тракторист – началась ранним рассветом. Глубокой ночью трап – длинный и прочный – который, заняв свое место одним концом на краю обрыва, напоминал бы туннель московского метро с эскалатором, временно не работающим, трактором подтащили к месту, намеченному для подъема заранее. Второй трактор тащил телегу с блоками, а за ней еще два широких трамплина, которые и установили перед отвесной стеной.

С первым лучом солнца Анатолий, занявший свое место на тракторе позади трапа, отпустил педаль сцепления, и длинная, снабженная арочным перекрытием лестница, поползла вперед. Вот она наехала на трапы; вот четыре больших – в три метра диаметром колеса натолкнулись на каменную преграду, и тут же четыре великана напряглись, отрывая толстые рычаги от пола при помощи крепких мышц – начиная с ног, до плечевого пояса.

– Раз, – скомандовал Кудрявцев, и колеса послушно оторвались от трапов и зависли в воздухе.

Назад им не давал съехать трактор, натужно ревавший далеко позади, и острые наконечники, которыми была снабжена гигантская лестница вместо якорей.

– Два, – и трап поднялся еще на метр.

Вчера вечером парни спорили, смогут ли они поднять эту махину в сто тонн весом.

– Ерунда, – махнул тогда Виталик Дубов, – прекращая спор, – я один гидравлическим двадцатитонником грузовик поднимаю, а тут нас будет четверо!

И трап действительно полз по стене! Надежные трещотки, изготовление которых оказалось самым сложным, не давали скользить назад рычагам. Профессор Романов – единственный, кто кроме командира и четырех силачей утяжелял сейчас трап, немного отступил от этой дружной команды. Он следил за красной точкой лазерного прицела, медленно ползущей вверх вместе с трапом над головой командира.

– Раз! – повторил Кудрявцев, – приближая одним словом край обрыва еще на один метр, – два!

– Это что получается, – неторопливо попробовал подсчитать Алексей Александрович, – секунд пять на один подъем рычагов; двадцать метров в минуту... За четырнадцать минут поднимемся?!

Радоваться времени не было. Профессор вдруг увидел, как красная точка отклонилась от макушки командира вправо – и хорошо отклонилась.

– Лево, – выкрикнул он, сообразуясь с неоднократно повторенными раньше командами.

– Лево раз! – выкрикнул погромче Кудрявцев, и Марио с Миколой замерли, передыхая, а Салим с Дубовым злее навалились на свои рычаги, – лево два!

– Хорош! – скомандовал профессор; он продолжил счет про себя, с тревогой замечая, как набухают жила на крепких шеях парней.

Он словно слышал треск мышц и скрипенье костей – с каждым метром все громче и громче. Но вот, отсчитав про себя сто пятьдесят, Алексей Александрович вдруг заметил, или почувствовал, что и треск и скрип куда-то унесло, словно слизало солнечными лучами, наконец-то вырвавшимися из за горизонта в полную силу.

– Все, – понял он, – прошли ту точку, где трап продолжал упираться в стену. Теперь парни могут не махать ручищами – трактор дотолкает до верха и без них.

Но люди продолжали сгибаться и разгибаться вслед движениям рычагов – они направляли движение трапа, не давали ему опасно накрениться. Вот ноги ощутили едва заметный толчок это колеса преодолели край обрыва, и утвердились наверху. Без всякой команды движение остановилось – все было отрепетировано заранее. Та же Бэйла скомандовала сейчас трактористу: «Стоп», – и наверх тут же побежали крепкие парни – а их и без великолепной четверки («Пятерки», – поправил себя профессор, глянув на командира) хватало среди русских. Люди несли наверх блоки, канистры с пластмассой. Несколько емкостей профессор с самого начала подъема придерживал ногой; их тут же подхватил командир, передавая по цепочке вперед. Состав в них был заранее доведен до состояния густого клея, и сейчас этой субстанцией густо обмазывали колеса и край трапа, намертво связывая их с камнем.

Вот показался первый грузчик – Анатолий Никитин, кто же еще! Он в одиночку тащил длинный блок; передавая его командиру, тракторист без смущения доложил:

– Трактор заглушил, трап закорил! Побежал за следующим блоком.

Командир только помотал головой, улыбнувшись.

Следующими по очереди оказались два китайца – впереди бежал низенький Мао, его подпирал блоком, заставляя быстрее перебирать ножками, майор Цзы. Эти грузчики блок подняли на плато сами, и на трап не вернулись – сейчас они стали фортификаторами. Форт из блоков рос на глазах; вот одна из сторон грозно ощерилась «Кордом» – теперь никто не мог помешать русским закончить строительство. Профессор помогал – силенки хватало подкидывать блоки на двухметровую высоту; потом в дело пошли плиты перекрытия, и вот уже можно было докладывать командиру о... А где, кстати, полковник Кудрявцев? Ни в спешно построенном форте; ни на ступенях лестницы, по которым продолжали снова ввверх и вниз, подобно муравьям, люди; ни на ровной как стол, и такой же пустынной равнине перед маленькой крепостью, выросшей на краю обрыва за какие-то полчаса, Александра Николаевича не было!

Зато где-то уже недалеко ревел двигатель. Алексей Александрович бросил взгляд на часы. Ровно один час двенадцать минут прошло с того момента, как длинная конструкция сдвинулась с места и поползла на вертикальную каменную стену. А командир рассчитывал на час. Значит, враг не так расторопен, как думали.

И вот уже показался острый передок броневой машины. Как-то она странно выглядела; разворачиваясь перед появившимся словно ниоткуда фортом, броневичок стал боком к амбразуре – точнее к прозрачному блоку в стене – и Романов понял, чем так его смутила форма машины. Как и российский БРДМ, этот агрегат был лишен кормовой части. Идеально ровный разрез прошелся по четвертой паре колес. Но здесь бронированный автомобиль грозно ревел двигателем – значит его расположение внутри корпуса было иным. Заглянуть в обрезанную часть броневик не дал; он остановился метрах в тридцати от форта – от лицевой его части, состоящей из двух стен, образующих немудреный лабиринт, который позволял не опасаться длинной очереди из крупнокалиберного пулемета несмотря на отсутствие дверей или иных запирающих элементов.

Так – объяснил Холодов, который сейчас командовал обороной – ставили блок-посты в Афганистане, и позже. Да хотя бы и в российской глубинке, на милицейских постах, когда террористическая угроза реально заползла на среднерусскую равнину. Сам профессор, как

припоминалось, в той жизни тоже видел такие посты, сложенные из серых бетонных блоков, но о строении их ни разу не задумывался.

Зато сейчас, когда турель с крупнокалиберным пулеметом вдруг дернулась, и поплыла по кругу, нацелившись хищным стволом прямо в Алексея Александровича (так ему, во всяком случае, показалось), толщина стен, их несокрушимость и другие технические характеристики пластмассы вдруг вытеснили из его сознания очень много вещей, казавшихся раньше основополагающими. Может, профессор и пригнулся бы, или даже кинулся назад, на лестницу, оставляя между собой и пулеметом еще и толстый слой камня, но враг, управлявший оружием дистанционно, из глубины машины, не дал этого сделать.

Очередь – даже более громкая и злая, чем у «Корда», прозвучала неожиданно, без всяких попыток переговоров. Безликому противнику было все равно, зачем сюда пришли русские; ему – понял Романов – вообще было все равно, кто пришел и зачем. Уничтожить, разгромить, стереть с лица земли – вот что нужно было сделать с незваными гостями. Алексея Александровича, который поначалу чуть присел, а затем выпрямился, с усмешкой наблюдая, как пули расплющиваются о пластмассу без всякого вреда для нее, собственные слова о «незваных гостях» изрядно рассмешили; он бросил взгляд на Рината и Салима – казанских татар, приведших сюда помощь их русского лагеря, и даже подмигнул здоровяку.

А тот не отрывал глаз от врагов; вот его лицо стало напряженным – это броневая машина перешла к новой тактике. Одним неожиданным броском приблизившись к наружной стене форта, она уперлась мощным бронированным носом в блоки, и взревела двигателем. В этот грозный рев влетали обиженные тонкие голоса резиновых покрышек, стираемых сейчас об камень силой сотен лошадей броневика. И таким же обиженным и злым одновременно стало лицо Салима, водителя-дальнобойщика, хорошо знавшего им цену.

Строже и сосредоточенней стали лица бойцов, стоявших с оружием напротив двух выходов в проход, отделявший наружную стену от внутренней. Под шумах двигателя враг мог попытаться ворваться в форт; бойцы там были опытные и безжалостные. И профессор Романов перехватил свой АКМ поудобнее. Но атаки так и не дождался. Мотор броневой машины внезапно умолк; внутри ее что-то зло забубнили – слов было не разобрать за несколькими слоями броневых листов и пластмассы. Но вот наступила абсолютная тишина; даже шумное нервное дыхание товарищей рядом умолкло. И профессор невольно задержал дыхание... и шумно выдохнул, когда из за угловатого борта вражеского броневомобиля появился полковник Кудрявцев. Где он прятался; как попал внутрь броневика? Впрочем, на последний вопрос смог дать ответ и сам Романов, и все остальные – надо было только обойти трофей по кругу. Заднего борта у броневика, как и предполагал Алексей Александрович, не было. Вместо него висел какой-то брезентовый полог, который мог защитить экипаж машины боевой разве что от пыли.

– Сержант! – позвал к себе командир, и сразу три бравых парня отозвались, шагнули вперед, вытягиваясь по стойке: «Смирно».

Юра Холодов, Виталик Дубов и Ринат Акимбетов – три сержанта Советской армии «ели» полковника взглядами по-уставному, и тот тепло улыбнулся. Потом он что-то видимо вспомнил; улыбка сползла с его губ, а палец постучал по бронированному борту.

– Навести порядок, сержанты, – скомандовал он, – и побыстрее... если мы хотим спасти кого-нибудь.

Парни исчезли внутри машины через тот же проем, а Кудрявцев повернулся к остальным, и прежде всего к профессору Романову, стоявшему рядом.

– Каждые полчаса они должны выходить на связь по рации, – объяснил он, еще больше хмурясь, – если не будет сигнала, капитан Джонсон начнет зачистку.

– Капитан Джонсон?

– Да, – кивнул Александр Николаевич, – тот самый командир карательного отряда. Он тут всем заправляет. Свой же бойцы боятся его больше, чем кролики удава. Еле разговорил одного из них...

Результатами допроса командир делился уже в десантном отсеке «Страйкера» – боевой бронированной машины американских вооруженных сил, в котором, кстати, капитан Джонсон вместе с отделением морских пехотинцев, откомандированных в Ирак, и попал в этот мир. В американском анклаве оказалось на удивление много военных; только полковник Кудрявцев не удивился, а покачал головой:

– Это вам показатель воинского духа американских «миротворцев», а заодно и отношения к ним местных жителей. Уверен, большинство из попавших сюда произнесли все ту же фразу: «Никому мы здесь не нужны!» – сами понимаете в каком смысле. А вообще у этого капитана сейчас осталось одиннадцать бойцов. Все вояки бывалые; да и здесь успели крови пролить немало. Так что драться будут до конца. И заложники к тому же – человек сорок.

– И мы сейчас спешим.., – сержант Холодов отвернул край брезента, и профессор невольно поежился – слишком близко от края пропасти, на его взгляд, гнал «Страйкер» к американскому лагерю Салим.

Полковник перехватил его взгляд; понимающе кивнул, и ответил – и Холодову, и профессору, и всем остальным – а в десантном отсеке сейчас вместе с ним сидело восемь человек; девятый – Салим – удобно расположился в водительском кресле.

– Надо отсечь Джонсона от пропасти – это ведь он придумал такое наказание для строптивых, не желающих приобщиться к американскому «порядку».

– Звучит как-то... зловеще, что ли? – протянул в сомнениях Алексей Александрович, – вроде как американцы другой термин применяли – «демократия». А порядок, или «орднунг» – это больше для Германии подходит.

– Точно, – согласился командир, – для гитлеровской. Вот этот Браун и решил продолжить дело фюрера. Собрал всех выживших и отбраковывал все эти дни негодных, не подходящих для будущей американской сверхрасы.

– Он что свихнулся? – не выдержал Анатолий Никитин.

– И это тоже, – командир усмехнулся теперь грустно, – а больше его наверное подвигли на такую бесчеловечную, априори невыполнимую миссию, обретенные здесь способности. Это сильнейший менталист, способный на расстоянии подчинять себе людей; не одного – а всех, кто окажется рядом.

– А почему же с нами нет Оксаны? – поежился профессор, вспомнив другое существо с подобными задатками; без израильянки победу над Седой медведицей и ее хищным племенем представить было трудно, а может вообще невозможно.

– Почему нет, – улыбка Кудрявцева опять стала теплой, – она как раз таки с нами, на равнине – страхует край обрыва снизу, вместе с Ириной Ильиной (рядом что-то неразборчиво, но весьма довольно проворчал Марио). Ага, кажется это она.

Командир положил ладонь на запястье правой руки, закрывая волшебный талисман дальней связи. Лицо его нахмурилось, стало жестким и страшным – для того, на кого сейчас был направлен его гнев.

– Гони быстрее, – крикнул он водителю, и с болью в голосе добавил, – не успеваем. Эти гады сбросили вниз первую партию людей. Живых сбросили. Девчата помешать не смогли. Трех сволочей подстрелили; остальных отогнали от края. Теперь задача за нами.

– Командир, – выкрикнул с левого – водительского – борта Салим, – вижу их!

Кудрявцев тут же оказался рядом. Двум крупным мужчинам в водительском отсеке было тесновато – ведь весь правый край передней трети машины занимала двигательная установка. Но командир пробыл там совсем недолго.

– Сможешь затормозить за метр перед шеренгой? – спросил он у водителя, – на полной скорости затормозить?

– За метр не ручаюсь, – тут же ответил напряженно Салим, – если бы это был мой «Ман» – тогда без вопросов. А с этой бандурой (он хлопнул ладонью по рулю) метров за пять остановлюсь – не ближе. Иначе могу кого и придавить.

– Годится, – кивнул командир, – и шагнул назад.

Он пробежал по короткому проходу, откинул край брезентового полога, и исчез за ним. А профессор занял его место, постаравшись ужаться как можно плотнее, чтобы не мешать водителю. А тот, судя по лицу, вел сейчас броневик в самый ответственный рейс в жизни. Алексей Александрович перевел взгляд на маленькое наклонное оконце и содрогнулся – прямо перед ним выростала шеренга стоящих на коленях людей; за ними с оружием в руках замерли каратели. На лице девушки, которую уже был готов подмять под себя броневой автомобиль, не было ужаса; ее глаза были пусты и безжизненны (и как только улавливал эти нюансы профессор?!). Они росли – совсем как в кинокартине с замедленными съемками – и готовы были заполнить собой весь окружающий мир; по крайней мере тот, что помещался в маленьком квадратном оконце, когда Романова бросило вперед и впечатало лицом в это самое окно. Плечом он больно ударился о мускулистый бок Салима, но ни эта боль, ни саднящий нос, из которого закапала на стальной пол кровь, не смогли оторвать его от удивительного зрелища.

Вот в кадре показался стремительный силуэт – это завершал сальто командир, брошенный вперед силой инерции. Как он собирался утвердиться на ногах? А никак – Кудрявцев перекатился кувырком по жесткой земле и уже в этом положении начал орудовать ножом. О последнем профессор догадался; увидеть стремительные движения профессионала ближнего боя конечно же он не мог. А когда Александр Николаевич остановился с ножом в руке (угадал!), с которого не капала – стекала красная тягучая жидкость, перед ним оставался только один противник.

Капитан Джонсон стоял дальше своих бойцов; к тому же рядом на коленях стояла девушка, скорее девочка, чья коса была туго намотана на ладонь американца.

– Вот это он зря, – успел подумать профессор, – командира злить сильнее уже невозможно, а руку одну он занял.

В следующий момент заныло в висках, и чей-то голос, которому ну никак нельзя было противиться, вдруг заполнил всю голову.

Этот голос и обещал бесконечно много, и грозил всеми мыслимыми карами, и призывал к подчинению, самым простым в котором был мысленный приказ покинуть броневик и бросить оружие к ногам повелителя. Первую часть этого приказа Алексей Александрович успел выполнить. Не заметив как, он оказался вне броневой коробки, казалось такой надежной, а на самом деле полностью проницаемой для злой воли американца. А дальше... дальше пальцы отказались подчиниться и разжаться, а память услужливо подсунула картинку первого – позорного бегства от Седой медведицы И голос командира – его совет держаться изо всех сил за то, что профессор ценил больше собственной жизни.

Да – свою жизнь профессор Романов сейчас был готов без остатка отдать этому криво ухмыляющемуся американцу, но свою любовь к Тане-Тамаре – нет! Тысячу, миллион раз нет! И он дернулся, рванулся изо всех сил из тенет, расставленных злобным пауком в лице американского капитана, и уже свободным с той же удивительной четкостью, что совсем недавно, увидел, как руку врага – ту что сжимала светлые волосы – перерубает напрочь широкое лезвие болта. Кровь еще не успела полностью закрасить сахарно-белый срез локтевой кости, а второй болт уже вонзался в правую глазницу нелюдя. Левый можно было не тревожить – первый широкий снаряд наверняка произвел в черепе американца разрушения, несовместимые с жизнью, но полковник не захотел, а может не смог остановить свои руки. Третий болт вонзился туда, куда и целил – в левый, уже полуприкрытый глаз; четвертый попал точно между вторым и тре-

тым, и последнего удара черепная коробка не выдержала – разлетелась на куски. На землю упал уже бездыханный труп человека, вообразившего себя новым потрясателем вселенной...

Глава 3. Анатолий Никитин. Опять с высоты птичьего полета

Это было страшно – ходить меж людей, лишь внешне напоминавших разумных существ. Их было всего двенадцать – безразличных ко всему, оборванных и исхудавших. Капитан Браун, заплативший своей жизнью за бесчеловечные злодеяния, словно унес с собой в иной мир души несчастных. Они так и стояли на коленях на твердых камнях, не ощущая их, пребывая в грезах мира, навеянного злой волей колдуна.

Казалось – нажми невидимую кнопку, и они вскочат на ноги, загалдят в недоумении, оглядывая незнакомые лица. Но... нажать эту самую невидимую кнопку было некому – погрузивший пятерых парней и семерых девчат разных национальностей изувер ушел в небытие, не отдав команды на возвращение.

– Ржет наверное в аду, сволочь, – зло прошептал под нос Анатолий, глядя, как командир безуспешно пытается «разбудить» крупного парня с жесткими, рублеными чертами лица, стоящего на коленях в самом центре шеренги.

Несколько хлестких ударов ладонью по лицу желаемого результата не принесли; только едва не повалили его на камни. Анатолий бросился на помощь Кудрявцеву. Вдвоем они успели подхватить безвольное тело и бережно уложили несчастного на спину. Остальные – живые зомби – словно тоже получили удары; они начали валиться рядом – так что подскочившие бойцы не успели подхватить всех. И вот уже двенадцать вытянувшихся тел уставились в синеву небес, в яркое солнце не мигающими глазами.

– Черт, – первым сообразил профессор Романов, – они же себе глаза сожгут. Приведем домой сразу двенадцать инвалидов.

Он бросился закрывать им веки, и Никитина опять передернуло – так в кинофильмах закрывают глаза погибшим товарищам. А командир, подвигав зло желваками скул, вдруг оживился, опять сжал ладонью амулет дальней связи и прикрыл глаза. Никитин затаил дыхание; он вдруг вспомнил Свету Кузьмину. Вот она бы живо подняла на ноги несчастные жертвы колдуна. А может, маленькая мордовская девочка – тезка погибшей от руки маньяка Кузьминой – сможет заменить ее? Но ведь она далеко – пока доедет, поднимется на плато, доберется досюда... Придется посылать за ней броневтомобиль. Или... Он оглянулся, уловив краем глаза резкое движение справа.

– «Навигатор»! Мой «Навигатор»! – это сержант-татарин бежал к недалеким отсюда развалинам американского лагеря.

Через пару минут довольно рычащий, словно ручной зверь, вернувшийся к хозяину, автомобиль подъехал к командиру, едва не переехав левым передним колесом труп капитана.

– Молодец, – похвалил Акимбетова командир, – едешь сейчас к лестнице, к трапу – ждешь девчат – Оксану с Ириной; с ними еще пара сербских ребят в охранении – вот всех четверых сюда и вези.

Сержант оглянулся на товарища – Салима – но полковник счел, что для выполнения такой простой задачи хватит и одного бойца – тем более такого бравого, как командир татарского партизанского отряда. А здесь дел было невпроворот.

– Только..., – замялся Ринат, – это ведь не броневая машина – какую-то защиту от этих тварей летающих сообразить надо. А я свою балясину сержанту Дубову оставил.

Командир думал недолго. Четверо бойцов остались на месте недавнего боя (а точнее бойни, которой американские бандиты во главе со своим главарем вполне заслужили) – перенести недвижимые тела покомпактней, устроить над ними тень, наконец, попробовать напоить их. Ну и, конечно, обеспечить защиту от пернатых хищников, уже нарезавших круги не так уж

и высоко. Впрочем к вооруженным людям они приближаться не рисковали – видимо усвоили урок, преподанный когда-то снайпером.

Усаживаясь в кожаный салон «Навигатора», Никитин услышал, как внизу тоже взвыл двигатель – это отправилась в путь команда Оксаны Кудрявцевой.

– И чем она сможет помочь? – проворчал тракторист негромко – так, чтобы командир услышал.

Кудрявцев усмехнулся, поняв немудреный трюк Анатолия; и ответил:

– Устроим этим ребятам шок – вроде того, как электрическим током запускают остановившееся сердце.

– А у этих несчастных остановилось..., – начал догадываться Никитин.

– Сознание, – подхватил профессор Романов, – вот Оксана его и пробудит. Только не слишком большая встряска получится?

– А мы ее попросим нежно разбудить, ласково, – усмехнулся опять командир.

«Навигатор» остановился, не доехав до крайней стены лагеря. А дальше ехать не было смысла, по крайней мере сейчас. Ведь то, за чем бойцы со своим командиром прибыли в рассадник американской «демократии» в этом мире, буквально валялось у ног, за пределами лагеря. В искореженной стальной конструкции, покрытой медными листами, трудно было опознать что-то внятное – настолько она была изуродована. И это был не столько результат падения на бетонные стены, и за их пределы, сколько безжалостные удары твердыми предметами, которые позволили содрать с этой гигантской руки большую часть обшивки.

– Рука! – ахнул Анатолий, первым догадавшийся о символе американского народа, – рука Статуи Свободы с факелом. Что же они с ней сделали! Хоть бы как-то поаккуратней, что ли – это же для них святое...

– Не было для них ничего святого, – хмуро ответил ему Акимбетов, примеряясь к куску обшивки, который не успели содрать хозяева.

С некоторым содроганием в душе Никитин присоединился к нему, вспоминая, что он знал об этой реликвии. Размеры современного колосса поражали; на участке пять на пять метров только рука с факелом и могла поместиться – ведь толщина ее, даже смятой сейчас от удара, была много больше человеческого роста. Вооруженные кусочками американской защиты (пусть хоть она на благо людям послужит), бойцы вернулись к броневичку, к лежащим недвижно жертвам и своим товарищам. «Навигатор», фыркнув на прощание бензиновым выхлопом, уехал к форту, а командир кивнул Салиму на «Страйкер»: «Заводи!»

Двое бойцов остались охранять новых членов русской общины, которые пока не подозревали об этом. Они были вооружены не только автоматами, но и кусками медной обшивки, которые для гигантских орлов были пожалуй страшнее любого огнестрела. А последним было не до русских – они дожидались, когда уедут от жертв маньяка у подножия скалы на воняющей повозке опасные двуногие создания с длинными стреляющими палками. Вот первый из хищников нырнул на самое дно воздушного океана – к месту гетакомбы, где по воле безумного капитана Джонсона нашли свой последний приют в этом мире десятки людей. Полковник Кудрявцев дернулся было туда, к краю обрыва, но тут же расслабил тело, но не лицо, которое сейчас было словно высечено из того же гранита, что и скала.

– Поехали, – скомандовал он татарину, и команда разведчиков по воле командира, не желающего зря терять время, отправилась в первый разведывательный рейд на плато.

Теперь «Страйкер» не гнал по бездорожью по самому краю – ведь самое интересное сейчас было на плато, а не на равнине, которую разведчики уже успели хорошо изучить. Совсем скоро автомобиль достиг угла пропасти и повернул налево, двигаясь сейчас над гигантским серпентарием. Вот впереди показались развалины; значит пять километров отделяли их от равнины.

Никакой надежды найти здесь живых людей, конечно, не было. Лагерь этот оказался очередным кусочком юго-восточных джунглей вперемежку с останками современных зданий – стандартных настолько, что понять сразу, что за страну представляли попавшие сюда люди, было невозможно. Лагерь был пуст.

– Мы сюда еще вернемся, – глухо пообещал Кудрявцев; лицо его было до сих пор суровым, – не зря же такой широкий трап сделали.

– Ну уж не такой широкий, – попытался поднять настроение командиру Анатолий, – вот увидите товарищ полковник, этот татарин – я сержанта имею в виду – будет просить нас спустить вниз «Навигатор».

– Ну разве такому герою можно отказывать? – все таки рассмеялся Кудрявцев, – вот тебе и новое задание, Анатолий – как это половчее сообразить. Желательно без больших трудозатрат. О! – а что это?

Полковник подобрал с бетонной крошки, усеявшей в этом месте небольшой открытый участок, какой-то музыкальный инструмент – свирель, дудку, или еще что-то; в подобном никто из разведчиков, а их здесь кроме водителя было четыре человека – командир с Анатолием, да Романов с Марио – не разбирался. Так, с этой длинной трубой, по одной стороне которой был просверлен ряд многочисленных дырочек разного диаметра, он и зашагал к краю пропасти. Тройка подчиненных бросилась за ним.

– Да, – мысленно протянул тракторист, заглянув за край – не дай бог навернуться отсюда. Здесь орла нет, спланировать не получится. А если и останешься живым каким-то фантастическим образом, пожалуй пожалеешь об этом.

Сказать, что чахлые заросли внизу кишели гигантскими змеями, было нельзя. Но их было много, очень много. А сколько сейчас пряталось – и от жаркого солнца, и от взглядов людей? Впрочем, на такую мелочь, какой наверняка казалась гигантским гадам группа людей на почти трехсотметровой высоте, змеи никакого внимания не обращали. И это словно рассердило командира. Он поднес к губам неведомый музыкальный инструмент и дунул в него во всю мощь легких.

Учитывая, что опыт в духовой музыке он имел, звук из длинной дудки получился чистым и громким. Пальцы командира забежали по дырочкам; он снова напрягся и теперь в пустоту перед ним полетела какофония звуков. Показалось это Анатолию или нет, но в какой-то момент внизу словно пронесся ветер; и это дуновение заставило змей дернуться вверх головами, выстроить частокोल голов на длинных шеях. Вот теперь можно было сказать, что их внизу видимо-невидимо. Но ветерок, не достигший вершины скалы, улетел по своим делам, и снова серые тела, не такие длинные и толстые на расстоянии недвижно прятались меж кустов.

Полковник Кудрявцев довольно улыбнулся, и Никитин даже непроизвольно пожалел гадов, виновных лишь в том, что чей-то злой разум выбрал их в качестве палачей человеческого мира. По выражению лица командира Никитин понял, что дни, максимум недели, змеиного царства сочтены.

– А это что? – громкий возглас Марио нарушил такое приятное течение мыслей тракториста; все повернулись к итальянцу, а затем опять в сторону обрыва – туда тянул руку Марио.

Действительно, где-то в стороне от того места, где люди опасливо (по крайней мере Анатолий) стояли на краю обрыва, посреди унылого обиталища гадов буйствовало царство красок. Царство настолько яркое и впечатляющее, что не хотелось даже верить, что в этом природном великолепии тоже прячутся змеи.

– А ведь это примерно в центре участка, – определил командир, – точно! Там как раз должно быть одно из чудес света.

– Оно и есть, – первым догадался тракторист, – это те самые сады Семирамиды, которые мы обещали девочкам на рассаду раздобыть. Помните, товарищ полковник, разговор с Ларисой Ильиной.

Он тут же смущенно потупился, сообразив, что за нелепый вопрос задал – командир, как и все вокруг, память сейчас имел абсолютную. Но на оговорку товарища Кудрявцев если и обратил внимание, никак этого не выдал. Он сейчас был погружен в собственные мысли настолько глубоко, что все вокруг замолчали; даже затаили дыхание – на Александра Николаевича явно снизошло видение будущего, которому он вдруг заразительно улыбнулся.

Анатолий не выдержал, тоже негромко рассмеялся, когда командир поделился своей задумкой:

– Пока, парни, молчок – никому ни слова. Сделаем девчатам сюрприз – на Восьмое марта. Я думаю, они тоже нас чем-то порадовать хотят.

– На двадцать третье февраля, – догадался Анатолий, – на день защитника Отечества.

У нас тоже будет такой праздник?

– Не пойму я тебя, Анатолий, – рассмеялся полковник, – сам же требовал побольше праздников – а это такой, что...

– Что его с первого класса отмечали, – подхватил тракторист, вспомнив вдруг детство, – девчонки подарки дарили, концерт нам организовывали...

К американскому лагерю бойцы на броневой машине подъехали чуть раньше «Навигатора». Девчат на сиденьях второго ряда было трое – Бэйла тоже присоединилась к подругам, чему Анатолий был искренне рад. Радость встречи (а она была бурной, несмотря на непродолжительность разлуки) отравлял только вид безмолвно и недвижно лежащих тел.

Командир пошептал что-то на ухо Оксане, и та молча кивнула, оглянувшись с подозрительно хитрым выражением лица. Под ложечкой у тракториста что-то противно заныло, и он непроизвольно притянул к себе Бэйлу; рядом также заключил в объятия Ирину Марио. Профессор оглянулся, словно пытаясь отыскать Таню-Тамару, но той рядом не было.

Может поэтому Алексей Александрович первым подпрыгнул от неожиданности и мистического ужаса, который навел негромкий крик Кудрявцевой. Анатолий сам едва сдержался от дрожи; лишь прижавшаяся к нему всем телом любимая не давала сейчас трактористу закрыть ладонями уши и сжаться в позе эмбриона в ожидании еще более ужасных звуков. Но Оксана не стала долго испытывать нервы друзей; она вдруг рывкнула настолько повелительно, что Анатолий невольно вытянулся по стойке «Смирно», сам не поняв, как ему удалось сделать это, не отпустив от себя Бэйлу.

Про такой приказ, понятный любому существу, поскольку назвать его просто человеческим было нельзя; он был над человеческим, над всем сущим; так вот – про такое повеление говорят, что оно мертвого может поднять. Мертвых (кстати, их рядом уже не было – команда Холодова поработала на славу) поднимать нужды не было, а вот тех, что не желали внимать нормальной человеческой речи, проняло. Недвижимые тела буквально подкинуло на земле; парочка парней даже сразу оказались на ногах; остальные сейчас стояли на четвереньках, мотая головами так усердно, что Никитин испугался за целостность их шейных позвонков.

Девушки тут же бросились к очнувшимся людям; вода – вот что нужно было в первую очередь несчастным. А дальше – технология возвращения к жизни была отработана до мелочей. И еда, и нагрузки, и информация – все выдавалось крошечными дозированными порциями. Наконец все двенадцать новых товарищей (а среди них были и трое американцев – не пожелавших влиться в банду капитана Джонсона) были готовы отправиться к форту, и дальше – на новую родину. Лишь один из них нерешительно подошел к группе бойцов, а точнее к полковнику Кудрявцеву, в котором сразу можно было угадать командира.

– Спасибо вам, – английский этого скуластого парня был не очень чистым, и профессор Романов, сразу распознавший акцент, вдруг горячо залопотал на каком-то наречии, явно не на британском.

Впрочем Анатолию было все равно – он и английский-то знал через пень колоду, немногим лучше португальского, который был родным для Васко да Ноя.

– Как?! – не выдержал и расхохотался тракторист, – Васко, да еще Ной! Тот самый, что на ковчеге каждой твари по паре? Или тот Васко, что первым вокруг света?...

– Не вокруг света, – не сдержал улыбки и профессор, – а по бережку, вдоль стран Средиземного моря. Васко – капитан каботажного судна. Все порты средиземноморья знает... ну те, что когда-то будут построены.. если будут.

– Будут, – решительно развеял его сомнения командир, – а насчет Ковчег и тварей... будет ему ковчег, и твари будут – и очень скоро!

Никитин догадался, что в голове полковника Кудрявцева созрел очередной план. А планы командира может быть не всегда были гениальными, зато всегда воплощались в жизнь.

Солнце едва перевалило за полдень; припасов, которые прихватили с собой девушки, хватило и на разведгруппу, и командир, усмехнувшись, кивнул головой нетерпеливо перебиравшему ногами трактористу:

– Хочешь угадаю, что ты сейчас нам предложишь.

Анатолий не удивился – настолько явным было сейчас стремление не только его, но и остальных разведчиков открыть еще одну тайну, что он не выдержал; на предложение полковника выпалил сам:

– Четвертое чудо света! – и чуть не проглотил язык, увидев в глазах командира безграничное удивление и упрек.

Чему удивился полковник Кудрявцев? В чем хотел упрекнуть его? Конечно в несдержанности, в длинном болтливом языке. Ведь третьего чуда – садов Семирамиды – они по умолчанию не видели. Хорошо, что девушки не обратили внимания на оговорку. А этого мимолетного безмолвного разговора на уровне взглядов не мог заметить никто – ведь командир с Анатолием стояли чуть ли не лицом к лицу.

«Страйкер», в котором мест было намного больше, чем в комфортабельном внедорожнике, увез бывших пленников к форту; сержант Акимбетов вырулил на едва заметную тропу, которая вела вглубь плато. Анатолий представил перед собой схему, которую недавно рисовал сержант; до центрального участка было не меньше...

– Товарищ полковник, – нерешительный голос Рината прервал нехитрые математические расчеты тракториста, и тот внутренне напрягся, готовый услышать что-то необычное, – может как-то получится этот автомобиль (рука водителя ласково погладила руль с накладками ценных древесных пород) опустить вниз? Он нам ведь еще очень пригодится.

Анатолий не выдержал, захохотал первым; к нему присоединились Марио с профессором. Только командир сначала объяснил недоумевающим девушкам, и Ринату, что вызвало такое веселье мужской части разведгруппы, и только потом присоединился к общему веселью. Вот в таком приподнятом настроении они и въехали в густую чащу хвойного леса. Этот хвойник ничем не напоминал родной (!) миоцен с его светлыми прогалинами и толстыми редкими стволами гигантских секвой. Здесь стволы деревьев, быть может, были не меньше диаметром, но их практически не было видно из за мохнатых лап, спускающихся до самой земли. Пройтись через эту хвойную броню, окружающую деревья неведомой породы – а ботаников-дендрологов среди разведчиков, к сожалению, не было – ни у кого желания не возникло. Впрочем, Анатолий, протянув руку в открытое окно внедорожника, сорвал липкую неколючую ветку, которая тотчас заполнила сало автомобиля густым знакомым запахом.

– Пихта! – воскликнул первым сам тракторист, – мы ее в баньке, в парилку для аромата добавляли. Пихтовый бальзам вот точно так же пахнет.

– Он, говорят, еще и целебный, – неуверенно добавила Оксана.

Неуверенно, наверное потому, что очень уж неприветливо встречал гостей этот мрачный лес. Хорошо – тропинка все вилась по лесу, позволяя «Навигатору» ехать так, что Ринат ни разу не поморщился, опасаясь поцарапать полированные бока автомобиля. В приоткрытые окна доносился только мерный рокот двигателя. Лес безмолвствовал; он словно тоже прислу-

шивался к незнакомым звукам, издаваемым непрошенными гостями. Сколько дней, недель, или лет – а может тысячелетий – никто не отважился нарушить эту унылую, почти могильную тишину? И что такого ужасного мог скрывать такой неприветливый страж?

Вот впереди мелькнуло светлое пятно; тропа стала ровной и пятно переросло в широкий прогал, а потом и в поляну, окруженную невысоким валом, заросшим травой. Вал этот был сплошным, кольцевым, и окружал он ровную, покрытую все тем же зеленым травяным ковром площадь. А венчало все высокое здание, имевшее в основании квадратное сечение; внушительные колонны и многочисленные скульптуры поддерживали несколько верхних ярусов. Здание венчал высокий шатер, в котором просматривались оконца – такие небольшие снизу, но на самом деле наверное вполне позволяющие рассмотреть окрестности лучше, чем где-нибудь еще.

– Эта штука, наверное, самая высокая точка из всех, что сюда перенесло из нашего мира, – воскликнул Анатолий, давая понять, что не прочь броситься внутрь по широкой лестнице, чтобы насладиться видом окрестностей.

– Эта штука, – поправил его профессор Романов, который уже перестал барабанить по клавишам ноутбука, – называется мавзолеем. Мавзолеем в Галикарнасе. И построен он был на территории Турции в триста пятьдесят первом году до нашей эры женой карийского владыки Мавсола Артемисией.

– А сам он что, не в состоянии был построить? – мрачно задал вопрос Ринат.

Сержант стоял позади всех и явно не горел желанием войти внутрь здания.

– Так она для него и строила, – охотно пояснил профессор, – это ведь усыпальница, могила, если уж совсем по-простому. Для одного человека – этого самого царя. В тысяча четверста девяносто четвертом году землетрясение разрушило эту красоту, а обломки люди растащили – на другие постройки. Ну что идем?

– Я тут, в охране останусь, – Акимбетов передвинул автомат на грудь и повел его в круговую, защищая отряд разведчиков от потенциальных врагов.

– Хорошо, – кивнул полковник, и первым шагнул в полуоткрытые двери.

– Что это он? – догнал командира тракторист, – вроде храбрый парень, бандитов американских мочил без всяких сомнений, а тут... даже в рошу не хотел ехать, не говорю уж про мавзолей.

– Что-то чувствует, – пожал плечами командир, – у тебя разве не было никогда такого чувства, что нельзя идти вперед, что следующий шаг может стать последним, или что за поворотом ждет что-то ужасное?

– Было, – признался Анатолий, – так может ну ее, эту обзорную экскурсию, действительно ведь в могилу сунулись.

– А мы вниз не пойдем, не будем нарушать покой мертвых, – полковник показал на тяжелую резную дверь, ведущую в подвальное помещение, – у меня ведь тоже иногда чуйка просыпается (позади кашлянул возмущенно профессор: «Что значит иногда?!»); вот она сейчас и зовет вперед и вверх.

Широкая лестница между тем вела по спирали вверх, и с каждым ярусом в удивительно прозрачные стекла все дальше расступалась картина окружающего мира. Вот взоры разведчиков достигли вершин деревьев, усыпанных раскрывшимися шишками; вот уже и край плато виден – в бинокль можно было, наверное, разглядеть и форт, и людское мельтешение вокруг него. Но командир спешил наверх, и за ним не отставали товарищи, уже уверенные в том, что впереди их ждет что-то необычное.

Под самую крышу высокого шатра хода не было, так что люди столпились на небольшой площадке, которой закончилась лестница. Окон здесь было восемь – по два на каждую сторону света; разведчики и расположились попарно, по семейному. Только профессор задумался, не зная, какое из двух окон, доставшихся ему одному, занять.

– Какая разница, – весело подумал тракторист, наблюдая за его метаньями, – все равно самое интересное будет за тем окном, что занял командир.

Соседнее оккупировала Оксана с «Бенелли», ствол которого удобно расположился на подоконнике. Да – створки окон очень легко, без скрипа, отворились, и площадку заполнил свежий воздух. Кудрявцева первой и вскрикнула: «Смотрите!», и Никитин первый подскочил к ней, чуть не столкнувшись с Бэйлой. Так, обнявшись, они и устали в окно, через которое наружу грозно торчали уже два винтовочных ствола. Анатолий напряг зрение, потом все таки достал свой бинокль, навел резкость, и... опять, как обычно, стал лихорадочно подбирать аналогию той удивительной картине, что разворачивалась на горизонте.

Далеко-далеко, на краю видимого пространства, за территорией громадных змей, да пожалуй, и за обиталищем саблезубых кошек, раскручивалась спираль темного вихря. Это было похоже на американский торнадо, а точнее... – да, на ту самую смертоносную воронку, что грозила снести с лица земли Москву в фильме «Темный дозор». По крайней мере даже до Анатолия, не обладающего значительными экстрасенсорными способностями, донесло эманиции смерти от этого темного спирального сгустка.

– Ожидание смерти, – словно поправила его Оксана, простонав эти слова, – они сейчас собираются вместе, чтобы умереть.

– Кто они? – нетерпеливо выкрикнул за спиной Анатолия Марио.

– Осы, – так же громко ответили ему Оксана с Бэйлой, и непонятно было, кто из них добавил в этот выкрик больше боли, а кто – торжества.

А маховик смерти раскручивался все шире и выше, и непонятно было, на сколько хватит особей-убийц – только на свой ареал, или на соседние территории тоже; и что будет с теми существами, кого затронет край этого живого вихря. Но вот зоркий глаз тракториста отметил, что верхний, самый широкий край воронки дрогнул, словно коснувшись чего-то запретного. В тот же миг неслышимый ухом, но раздирающий внутренний мир людей крик мириад насекомых взорвался последним, самым оглушительным воплем – так что люди отшатнулись от окон и пропустили тот самый момент, когда темная воронка замерла на лету и начала осыпаться. Осыпаться не прямо вниз – это Никитин уже видел – а словно втягиваясь подобно злему джину (еще одна аналогия) в горлышко огромной бутылки.

– И эту бутылку, – понял тракторист, – надо будет запечатать как можно скорее, вместе со всем содержимым...

– А лучше, – продолжила его мысль Оксана так непринужденно, словно Анатолий говорил вслух, – все там сжечь. Больше никакого биологического оружия. Мы лучше старым дедовским способом.

Кудрявцева ласково похлопала ладонью по теплему прикладу «Бенелли» и рассмеялась...

Глава 4. Профессор Романов. Маяк смерти

Под высокой скалой, которую плоская каменная же плита накрыла, словно шляпка ножку гриба, разворачивалась битва гигантов. Это было удивительное, и в то же время завораживающее кровавое зрелище. И у него были зрители! Впритык к каменному столпу, который когда-то был одним из осколков знаменитого Стоунхенджа, стоял верный «Эксплорер» с прицепом, а на верхней плите достаточно свободно расположились люди – четыре пары разведчиков, у которых, кстати, еще не кончился медовый месяц. Так что можно было сказать, что разворачивающийся сейчас рядом с развалинами безжизненного британского лагеря гладиаторский бой тоже был включен в программу свадебного путешествия четырех пар молодоженов.

Если бы это было на экране телевизора, или кинотеатра! Нет – здесь лилась литрами настоящая кровь, и леденящее душу рычание из множества глоток поднималось к небесам без всяких записей и купюр. Живой звук – так бы похвалился продюсер этого страшного зрелища. А продюсером можно было назвать дикий голод зверей и извечную вражду представителей медвежьих и кошачьих племен. Здесь же встретились самые крупные их представители. И самые голодные.

Впрочем, короткомордые мишки, сопровождавшие автомобиль на значительном расстоянии, выглядели поупитанней, чем когда-то в первую встречу разведгруппы с хищниками. Не все звери пережили тот день; их плоть послужила пищей для сородичей.

– Давало ли это больше шансов медведям? Или ярость голодных смилодонов поможет саблезубым гигантам победить? – этот вопрос не давал покоя профессору Романову всю дорогу от моста над заливом крокодилов до границы с бывшим царством ос-убийц.

А потом все вопросы исчезли при виде таинственной каменной громадины, возвышавшейся над развалинами, прибывшими в этот мир вместе с гражданами Соединенного королевства. Увы, доктору Брауну не суждено было обнять сегодня кого-то из своих соотечественников. Гигантский гриб мегалита возможно и спас людей, или часть их; но ни накормить, ни напоить их он был не в состоянии. А за чертой маленького – пять на пять метров – квадрата без всяких признаков растительности (один песок) их ждала смерть. Жужжащая и глядевшая мириадами безжалостных фасеточных глаз.

Такие же мысли пришли очевидно в голову Толику Никитину, который, первым спрыгнув у мегалита, принялся измерять шагами это небольшое жизненное пространство. Впрочем, Алексей Александрович мог сделать это, не выходя из автомобиля, и не менее точно. Вооружившись ноутбуком, он громко поделился с товарищами, вернувшимися из развалин с помрачневшими лицами. Еще бы – кого мог одарить положительными эмоциями вид высохших, подобно мумиям, человеческих тел, лежащих в самых различных позах в укромных уголках лагеря.

Голос профессора Романова был скорбен и торжественен:

– Стоунхендж, самый известный мегалит. К сожалению, не смог спасти ни одного человека. Голубой камень, из которого выли вытесаны эти глыбы, голыми руками не отломишь от монолита.

– А может, они и не пытались это сделать, – мрачно добавил тракторист, – что это, кстати, за камни, Алексей Александрович?

– Подожди, – прервал парня командир, прислушиваясь к чему-то, – давайте-ка продолжим лекцию наверху.

Перечить полковнику Кудрявцеву никто не стал – не принято это было в разведывательном походе, да и место не располагало. Вскоре разведчики, удостоверившиеся, что верхняя

плита толщиной чуть меньше метра держится на столбе достаточно надежно, могли обозревать окрестности почти с пятиметровой высоты.

– А если точнее – четыре девяносто, – продолжил профессор прерванную лекцию, – четыре десяти высота столба, и восемьдесят сантиметров толщина плиты.

– Так точно? – поразила обычно невозмутимая Бэйла.

– Это не я измерил, – чуть улыбнулся Романов, – эти камни мерили не сотни – тысячи раз. Ведь это самый известный, и самый загадочный мегалит на земле.

– И чем же он загадочен? – чуть иронично спросил Никитин.

Алексей Александрович понял, что тракторист наверняка читал об этом каменном феномене; что он обязательно подначит ученого мужа со своей, рабоче-крестьянской точки зрения. Но тем не менее он неторопливо начал пояснять:

– Во-первых, даже точный возраст создания этого памятника древности не удалось узнать. Примерно три тысячи лет до нашей эры. Во вторых – кто его создал? Друиды? Это самая распространенная версия. Но все говорит о том, что когда эти загадочные ребята разводили свои костры в священных рощах, Стоунхендж уже дышал древностью. И самый главный вопрос: зачем люди (а кто-то говорит более неопределенно – какие-то разумные существа) тащили сюда эти тяжеленные камни за сотни верст, да еще как-то умудрились обтесать их так ровно.

Он топнул ногой по камню, и Анатолий рядом сделал испуганное лицо и пошатнулся. Профессор в панике схватил парня за рукав, подумав, что своей необдуманной резкостью пошатнул равновесие монолита. А Никитин захохотал так, что сразу несколько коротких волосатых морд выглянуло из кустов, и ответил на последний вопрос:

– Ежу понятно, товарищ профессор, – это же древняя обсерватория. По ним эти самые друиды предсказывали планетарные катастрофы.

– Ерунда, – гораздо осторожней махнул рукой Романов, – никаких планетарных катастроф за пять последних тысячелетий не было; хотя гипотеза об обсерватории имеет право на существование – больно правильно располагались каменные столбы в Стоунхендже. Но как объяснить прах двухсот сорока человек, найденных под этими камнями. Что это за научный объект на костях?

– Так значит, это тоже...

– Да, – кивнул профессор, – скорее всего это тоже усыпальница. И хоронили здесь древнюю знать; и стоим мы сейчас на надгробном камне...

– Хорошо, что сержанта Акимбетова с нами нет, – хохотнул Никитин, – вот бы его сейчас всего перекосило.

– Не смейся, – строго одернул его командир, и тракторист тут же стал похож лицом на истового монаха, – очень правильные понятия у этого парня. Точнее – воспитание. Он ведь, я так понимаю, хоть из советского прошлого, но окружение-то было мусульманское. А там уважения к погибшим не в пример некоторым.

– Ага, – хмыкнул все таки тракторист, – то-то они сейчас на Ближнем востоке режут друг дружке головы. Уважают.

– Не болтай ерунды, – опять одернул его Кудрявцев, – это бандиты режут. А у них нет ни веры, ни национальности, ни Родины. И вообще... (он помялся, и все таки добавил) посмотрим еще, кто чего будет резать...

Профессор замер; на него вдруг повеяло жуткой чередой тысячелетий, сквозь которую заглянул командир. А тот замер на мгновение, и вытянул руку вперед: «Смотрите!»

На поляну перед развалинами выскочила огромная саблезубая кошка. Ее грациозной мощью можно было залюбоваться, если бы не худоба хищника. Но Алексей Александрович обкатывал сейчас в голове неожиданно возникший вопрос:

– А почему, собственно, это громадная кошка не набросилась с рычанием и жадностью на лежащее буквально в двух шагах высушенное человеческое тело? Что такое ужасное привнесли в него своими жалами осы?

На эти вопросы ответа у него не нашлось; он, впрочем загнал их поглубже, на потом, потому что навстречу смилодону неторопливо, словно на правах хозяина, выступил из кустов короткомордый медведь. Этот зверь по массе был крупнее кошки раза в три, но по проявленному проворству по меньшей мере не уступал ей. Во всяком случае, когда медведь неожиданно и для Алексея Александровича, а главное – для смилодона прыгнул вперед, кошка не успела отпрыгнуть в кусты. Может потому, что знала – оттуда появится подмога!

Огромный медведь накрыл смилодона полностью; его длинные когти на концах мощных лап несомненно делали сейчас свою работу, полосую жалобно ревевшего саблезуба на кровавые части. И еще громче ревел сам медведь, на загровке которого как-то уместились сразу три головы других кошек. Неизвестно, кто первым испустил дух – кошка, разорванная на части короткомордым хищником, или последний, которому самый удачливый смилодон вырвал наконец часть загровка вместе с белыми позвонками шеи. Этот победитель тут же взлетел в воздух от могучего удара мощной лапы другого медведя, теряя по пути длинные внутренности.

А потом профессор уже не мог больше разобрать, кто есть кто, и кто побеждает в этой страшной мешанине хищной плоти. Звери все прибывали и прибывали, изумляя людей своей многочисленностью, и заставляя с дрожью думать о том, что могло ожидать русское поселение, если бы барьер в виде канавы с подтухшей уже водой и длинными крокодилами вдруг исчез. В какой-то момент Алексею Александровичу показалось, что этот поток новых четвероногих гладиаторов никогда не исчезнет, что ему, и всей разведгруппе придется сидеть на древнем мегалите всегда, но вдруг что-то внизу случилось.

Нет – прежде случилось на осколке Стоунхенджа. Командир вдруг взял за руку Оксану, и та, словно вспоминая прошлое супруга, скомандовала-пропела во все горло:

– Смирно!

Это было удивительно, это было наверно смешно – девушка командует дикими животными, словно бывалый сержант новобранцами. Но профессору Романову совсем не было смешно. Он сам вытянулся в струнку, исполняя приказ, который был отдан явно не людям. А они выполнили его – все, кроме самой Оксаны, и, естественно, командира. Люди застыли живыми статуями на мегалите, и много живописнее замерли внизу звери. Лишь сила тяготения немного помешала тем, кто в момент команды был в полете или прыжке.

Но вот все остановили движение; замерло даже время. А командир словно преодолевал его с трудом, как воду в Мертвом море. Он поочередно пожимал руки, предплечья товарищей – то, до чего было удобно дотянуться. И вот уже разжимается тугая пружина внутри тела, и профессор с ужасом думает, что было бы, не сделай Кудрявцева этой паузы перед второй командой:

– Разойдись!

Звери с обиженными (показалось профессору), но послушными мордами стали пятиться в кусты, а сам Алексей Александрович, несмотря на полученную прикосновением командира «прививку», едва не шагнул следом.

– А сразу нельзя было скомандовать, – сварливо проворчала Бэйла Никитина, – без этой бойни?

– Можно, – покладисто согласился полковник, – разошлись бы они, и куда их потом девать? Все равно ведь схлестнуться – хищники они и есть хищники.

– Ну, значит, и разнимать не надо было, – ворчливо предложил прямо противоположную тактику Никитин, – пусть грызут друг друга, а последних уже девчата из винтовок шлепнут.

– А хоронить их ты будешь? – командир начал сердиться, – пусть друг друга понемногу подъедают, как бы это не выглядело бесчеловечно. А нам еще здесь людей надо предать земле, во всех двадцати четырех лагерях... Но сейчас надо спешить туда, – рука командира протянулась в направлении центра этого участка, поросшего высокими светлыми соснами.

Деревья теперь не грозили сбросить на головы любого живого существа тучи хищных насекомых, но люди по прежнему с опаской поглядывали на них. «Эксплорер» достаточно свободно маневрировал между стройными стволами, несмотря на то, что здесь не было даже намека на тропу. Кто ее мог проложить в царстве ос?..

Еще один мертвый лагерь миновали разведчики; в полуоткрытые окна слышен был далекий шум грызни хищников на месте недавней бойни. Как и предсказывал командир, противники соблюдали временное перемирие, спеша уничтожить плоть не переживших этой жестокой битвы сородичей. А в лагере какого-то азиатского племени царило безмолвие. Здесь тоже застыли в предсмертных позах мумии людей и домашних животных, не тронутые зверьми.

Разведчики, обежав небольшой лагерь, застыли в молчании; затем так же молча погрузились в автомобиль. Всю дорогу до центрального участка молчал даже Толик Никитин; увидев же границу, отделявшую сосновый лес от последнего прибежища ос, парень только протяжно просвистел. Удивляться было чему – впереди на километры простиралось зеркало воды. Спокойная в безветренную погоду, она была на удивление прозрачной, так что в глубине можно было разглядеть даже мелкие камни; там же покоились следы неведомой цивилизации – обломки амфор, других предметов непонятного назначения. Донного течения тоже не было, поэтому тела людей в металлических доспехах тоже были недвижимы. Сколько пролежали в воде эти воины, погибшие в жестокой сече? Какая сила сохранила их нетленными? Никто, естественно, не полез в воду, чтобы найти ответ на эти вопросы.

Разведчики на эту жуткую подводную обитель мертвых обращали внимание лишь до того, как прозвучал громкий возглас Анатолия: «Ух ты!». Но и без этого возгласа все уставились на башню, нависшую над водой примерно в километре от берега, где столпились разведчики.

– Маяк, – зачарованно прошептал профессор, – Александрийский маяк...

Его руки сами нырнули в рюкзак за ноутбуком; открыли крышку и судорожно застучали пальцами по клавиатуре, в то время, как командир весьма логично заметил:

– Раз это маяк, значит он должен стоять на берегу. Так что едем вокруг озера, или моря – какая разница, что это было раньше...

– Это было Средиземное море, – нашел наконец нужную страницу в Википедии Алексей Александрович, – а сам маяк стоял на острове Фарос.

– Так мы сегодня до него не доберемся, – разочарованно протянул Никитин.

– Погоди расстраиваться, – остановил его Кудрявцев, заводя «Эксплорер», – надо проверить – может часть острова попала сюда так, что задела краем осиные земли.

– Ну тогда ищем, – скомандовал на этот раз профессор, весь погруженный в светящийся экран, – а я пока немного расскажу об этом чуде.

Александрийский маяк, построен всего за пять лет в городе, который в триста тридцать втором году до нашей эры основал Александр Великий... мы больше знаем его как Македонского. А построил египетский царь Птолемей второй. Общая высота маяка почти сто сорок метров (Никитин присвистнул). Первый, прямоугольный ярус из блоков – высотой шестьдесят метров; второй, облицованный белым мрамором – восьмигранный. Его высота – сорок метров. Третий – колоннада, составляющая цилиндр, увенчанный куполом с огромной фигурой Посейдона наверху...

– Постой-ка, – перебил его тракторист, который сейчас вглядывался в далекое строение в бинокль, – что-то я не вижу тут никакой колоннады, а тем более Посейдона...

Теперь все, кроме командира, вырубивавшего меж сосен вблизи берега, прильнули к оптике. И действительно, вынужден был признать профессор, верхняя – самая эффектная – часть маяка отсутствовала.

– Значит, его высота не больше сотни метров, – пробормотал он, – так что знаменитых кострищ с бронзовыми отражателями мы не увидим.

– Каких кострищ, – оживился Анатолий, – они что, еще и дрова туда носили?

– Не носили, а возили, – поправил товарища Алексей Александрович, – там внутри достаточно пологий пандус. Вот по нему воле с телегами и возили дрова. А их надо было много – ведь костры горели и днем и ночью.

– А днем зачем? – удивилась Ирина, – и так ведь хорошо видно.

– И огня не увидишь, когда светло, – поддержал Ильину супруг.

– Зачем – не знаю, – не стал строить из себя всезнайку Романов, – а насчет видно-не видно издадека – здесь написано. Вместо огня ориентиром днем был дым.

Так вот, в семьсот девяносто шестом году, уже нашей эры, маяк разрушило землетрясение; были попытки его восстановить, но такого великолепия, какое сейчас видим мы, уже не получилось.

– Ага, великолепие, – с нешуточным негодованием в голосе бросил тракторист, – самое интересно отрезали; как будто мосол собаке бросили, обглоданный.

Рассмешить Анатолий любил; да и получалось у него неплохо – вот и сейчас все дружно рассмеялись, очевидно представив, как за полоской воды, уже не такой, кстати, широкой, вышается огромная полуобглоданная кость.

Полоска воды становилась все уже; теперь дно водоема было чистым – без всяких признаков неизвестной цивилизации. Вот ее уже можно перепрыгнуть, но командир продолжал медленно вести автомобиль вдоль песчаного берега. Он словно ждал удобного проезда к башне; и дождался – прямо от края сосняка к маяку вела ровная, словно стрела, мощеная камнем дорога. Такие – пережившие сотни, и даже тысячи лет – строили когда-то древние римляне. Но эту словно построили вчера. Ни одной выбоины, ни одного выпирающего камня не легло под колеса «Эксплорера» на коротком полукилометровом пути до распахнутых врат циклопического сооружения.

Ворота были распахнуты, и Кудрявцев, поглядев на Оксану, а потом и назад, на остальных разведчиков, словно заручился их согласием, остановил автомобиль, чтобы оставить перед широким распахнутым входом прицеп. Мощный двигатель, конечно же, легко утащил бы за собой и более тяжелый груз, но где гарантия, что в тесноте внутренних проходов удастся развернуться на пути назад? «Эксплорер» медленно въехал внутрь маяка. Наверх действительно вел широкий пандус, по которому внедорожник ехал, довольно урча мотором – ведь полы здесь были еще глаже, чем снаружи, а уклон не так уж и велик. Но это было приятной частью короткого путешествия внутри каменной башни. Гораздо неприятней была та непомерная тяжесть, что легла на плечи людей, как только колеса пересекли линию открытых ворот. Это гнетущее чувство даже командира повергло в уныние – профессор хорошо видел, как поникли его плечи; рядом так же сгорбилась Оксана; мрачную незримую пелену не смог бы поколебать самый яростный ее крик.

И запах! Тошнотворный запах концентрированной отравленной крови, мгновенно пропитавший все и всех. Профессор невольно представил себе, что за толстой стеной внутри башни спрессована в жуткую кашу плоть хищных ос; представил, как сквозь жесткий хитин с трудом просачивается вниз под силой тяготения густая красная жижа.

Внутри у него все затвердело; только легкие и сердце продолжали работать, и сквозь бие-ние молоточков в висках, он с несказанным наслаждением вдруг услышал посторонние звуки; ощутил резь в глазах от солнечного света, и ощутил ласковое прикосновение к щекам слабого ветерка: «Приехали!».

Кто-то сказал это слово, или сам Алексей Александрович прошептал его, но мрачные волны тут же отхлынули, и легкие вдохнули воздух уже в полную силу – раз, и второй, и третий, откачивая из организма дурные миазмы.

Автомобиль стоял на круговой площадке; внутри башни чернело жерло, ограниченное невысоким бортиком. На него и оперся первым Толик Никитин. Он перегнулся через этот парапет, и тут же отшатнулся назад, оглянувшись на товарищей с отчаянным взглядом и полураскрытым ртом, готовым исторгнуть наружу истошный вопль. Вид невозмутимых пока друзей, ласкового голубого неба без единого облачка (дождик прошел позавчера) и еще более ласкового солнца немного привел его в чувство. Он махнул рукой, приглашая присоединиться к созерцанию чего-то ужасного; делать это в компании было не так страшно – решил профессор – и тоже заглянул внутрь.

Башня была полна – той самой кровавой мешаниной, что представлял себе всю дорогу по пандусу Алексей Александрович. И это было наверху; а что творилось в глубине нижнего яруса?! Но самым ужасным и нестерпимо жалостным был вид копошащейся в этой каше живой осы. Осы громадной и... разумной! По крайней мере таким был взгляд огромных фасетчатых глаз, которые вдруг уставились прямо в лицо профессора.

– Что же вы натворили, люди? – словно говорил этот взгляд, – разве виноваты мои дети, что нас такими создала природа? Разве мы хотели лететь сюда из родных мест, где были частью окружающего мира – частью органичной и никому не мешающей.

Профессор мог много сказать в оправдание человеческого рода, рассказать о страданиях тех несчастных, что ждали погребения уже второй месяц, но... над ухом темной молнией вспорол воздух болт с широким острием, который безвозвратно утонул в мертвой плоти ос. Алексей Александрович проследил полет болта так явственно, с многократным замедлением, что успел рассмотреть, как жесткое оперение раздвигает хитиновые частички. Зато он не успел отметить тот миг, когда прародительница ос-убийц лишилась и головы, и обличающего взгляда, и жизни. Разглядывать теперь ее было бессмысленно.

Впрочем, командир, опуская арбалет, тут же показал, что последнее утверждение было преждевременным.

– Смотрите, – полковник с понятной брезгливостью ткнул вторым болтом в длинное брюхо осиной матки.

Теперь это туловище ни страха, ни сожаления не вызывало. Только бесконечное отвращение от вида лоснящихся крупных клещей, достаточно быстро передвигающихся по неподвижному телу. Острие пронзило одного из них, и профессору показалось, что вместе с крошечными брызгами крови воздух вокруг заполнился тем самым зловонием, что им еще предстояло испытать на пути назад.

– И с каждым днем здесь «благоухать» будет все сильнее, – словно понял его мысли Кудрявцев, – так что в следующий раз, пожалуй, надо будет что-то вроде скафандров прихватить, с полным циклом жизнеобеспечения.

– А что нам тут нужно? – буркнул стоящий позади тракторист; ему хватило одного взгляда в осиное крошево, – посмотрели, убедились, что все они передохли. Ну и пусть воняют до скончания веков.

– Они-то да, – не согласился командир, – а вот эти «товарищи» (он поддел кончиком болта еще одного клеща), – вряд ли согласятся остаться тут навечно. Подъедят тут все и вперед – на завоевание мира. И там мы их уже не сможем остановить. И не надо говорить, что людям они не страшны. Неизвестно, каким боком нам вылезет эта мина замедленного действия через год, сотню, или тысячу лет. Нет! Как говорится – мы породили, мы и убьем...

Вниз «Эксплорер» летел с максимальным ускорением – так, что едва вписался в ворота. А там... взвыли тормоза, почти зарылись до ступиц в песок широкие колеса внедорожника, едва не врезавшегося в четверку высоких фигур, четко вырисованных ярким солнцем, бив-

шем в спины незнакомцев. Они действительно были высокими; очень высокими – так что профессор поначалу принял их за «высших» неандертальцев. Может, они и были таковыми, но не вождями племени с холма, на который когда-нибудь волчица принесет младенцев (во как завернул Алексей Александрович). Эти парни и девчата, по двое каждого пола, физиономии имели пусть и измученные, но гораздо более дружелюбные, чем Денату и его потомки, и, показалось профессору, смутно знакомыми.

Широкоплечий здоровяк Марио, первым вставший перед незнакомцами, был им по грудь; значит росту они были почти два с половиной метра. Что за люди (и люди ли?) предстали сейчас перед русскими разведчиками?

– Надо бы их накормить, а уж потом знакомиться, – нарушила наконец молчание Оксана, и командир кивнул, соглашаясь.

Он медленно повел автомобиль к озеру, вернее, маленькому клочку Средиземного моря – туда, где едва заметный ветерок не давал распространяться тошнотворным миазмам от внутреннего содержимого маяка. И вот уже над зеркальной поверхностью воды и мелким чистым песком витают совсем другие запахи – испеченного сегодня утром хлеба, зелени – первых пучков зеленого лука и укропа с огорода, и, конечно же, изумительный аромат огромной рыбыны, закопченной по рецепту Александра Салоеда.

Незнакомцы пристрастием к еде от обычных людей если и отличались, то не очень сильно – вон как нервно стали раздуваться носы, и повеселели физиономии. А тут еще командир сделал широкий жест, приглашая всех за общий дастархан, в роли которого в походных условиях выступала откидывающаяся крышка багажника. Братки – так профессор называл парней прежде всего из за одежды, представленной спортивными костюмами из бандитских девяностых годов, и их подружки, одетые гораздо приличнее, в сарафаны в обтяжку – ели быстро, но аккуратно. Алексей Александрович не удивился бы, если бы они так же уверенно орудовали сейчас вилками со столовыми ножами. Впрочем, в походных условиях такими изысками разведчики пренебрегали, так что проверить эту мысль профессор мог только дома. А в том, что незнакомцы последуют за ними, Романов ни на минуту не сомневался. Скоро и сами великаны подтвердили это.

Командир протянул одному из парней, на которого оглядывались чаще всего его товарищи, наручный медальон из волшебной пластмассы – прямо как в русской сказке: накормили, напоили, теперь и сказку расскажите. В роли сказочника он предлагал выступить старшему из незнакомцев. А парень, помяв в руках переговорник, решительным жестом вернул его Кудрявцеву, и достал из кармана спортивных штанов свой медальон – на длинном кожаном ремешке.

– На что он там его, интересно знать, наматывал? – хохотнул за спиной профессора Никитин.

Командир строго посмотрел не него, но говорить ничего не стал – парень надел медальон на шею, и комментировать вопрос тракториста было уже нельзя; чтобы не обидеть новых знакомцев. Да – остальные пришельцы нацепили такие же амулеты. В глазах полковника Кудрявцева мелькнула смешинка – он явно подумал, какой вопрос задал бы сейчас Анатолий высоченым девушкам – ведь они тоже достали переговорники из недр нижней части своих туалетов.

А незнакомцы вдруг заговорили на чистой латыни, которую профессор Романов понимал без всяких амулетов.

– Мы римские патриции, трижды рожденные, – провозгласил парень, оказавшийся эталоном цивилизованности – для своего времени, конечно.

– Трижды?! – поразился профессор, который свой наручный переговорник так и не привел в рабочее состояние.

На него с изумлением посмотрели с римляне, и русские разведчики. А Алексею Александровичу было не до объяснений. Он сам едва не открыл рот, пораженный приключениями

этих молодых людей. Молодых по внешнему виду, но проживших, на самом деле, несколько жизней, полных невероятных приключений.

– Марк Туллий, сын Гая, Марцемин, – представился римлянин, – в первой жизни Борис Левин, пенсионер из Хайфы, Израиль.

Теперь изумлению русских не было пределу. Первым оправился от шока командир.

– А меня ты не узнаешь, сержант? – совершенно будничным голосом, словно не было недавней драмы, словно не он лепил из неподатливой пластмассы обелиск двоим влюбленным, ушедшим из жизни – Борису и Светлане Левиным.

– А ты не Света Кузьмина? – немного дрожащим голосом спросила Оксана Кудрявцева у девушки, прижавшейся вдруг всем телом к спине Марка.

– Командир? – неуверенно узнал Туллий-Левин, – командир!

Он подскочил к Кудрявцеву и схватил его в свои железные объятия так, что полковника совсем не стало видно.

– Командир! – повторил он, счастливо оглядываясь, – вы ведь все остались там, во взорвавшейся пещере!

– Стоп! – остановил вырвавшийся наконец на свободу из дружеских объятий Кудрявцев Анатолия и профессора с Марио, – давайте найдем местечко поудобнее и там все обсудим – с чувством, с толком, с расстановкой...

Глава 5. Борис Левин. Трижды рожденный

Целый район Хайфы был погружен в темноту. Конечно, кое-где мелькали яркие лучи фонарей; негодующих человеческих голосов практически не было слышно – в три часа горожане предпочитали спать. А утром их ждал обычный комфорт и уют, которые без электричества невозможно было представить. Вот этим благом Барух и готов был одарить земляков.

– Да будет свет! – его рука решительно перевела толстый рычаг, увенчанный диэлектрической рукоятью в положение «Включено», и... ничего не произошло.

То есть, произошло много чего – удивительного, даже фантастического, но к электричеству это не имело никакого отношения. Барух Левин вдруг ощутил себя полулежащим на мягком диване перед столиком, чья уставленная яствами столешница располагалась на такой высоте от пола, что было чрезвычайно удобно брать эти самые яства рукой. А она сама протянулась вперед, ухватившись (без всяких вилок и ножей, кстати) за ножку какой-то экзотической птицы. И только когда пальцы ощутили теплую мякоть птичьего мяса, Левин понял, куда он попал, наверное пораженный насмерть током – в райские кущи, которые ждали каждого правоверного мусульманина. По ошибке, конечно – никаким мусульманином сам Барух не был, он и Тору-то признавал постольку-поскольку. Веру надо впитывать с молоком матери, да первыми наставлениями отца, а Барух – тогда еще Борис Левин – родился и вырос в Советском Союзе; служба в Армии – в Афганистане – еще больше отдалила его от Бога, на каком бы языке не произносились имена его пророков.

Он откусил тающее во рту мясо, еще раз подумал, что еврейский рай никак не мог выглядеть подобным образом, и поменял положение тела, освобождая вторую руку, на которую опирался до сих пор. Эта рука тоже нацелилась сама – на кувшин, в котором явно было что-то, способное смочить пересохшее горло. Барух едва не подпрыгнул, когда из за спины вдруг протянулась другая рука – чужая (у него самого третья не выросла, хотя сейчас Левин ничему не удивился бы); эта рука перехватила кувшин, и вот уже тонкая струя темно красной тягучей жидкости заполнила бокал, который недавно уже кто-то опорожнил.

– Целлариус, – вдруг возникло в голове слово, которое словно взрывом гранаты разнесло по полумраку этой богато украшенной комнаты его притязания на райские кущи, – целлариус, собачий потрох, разносчик вин и напитков, который посмел налить вино в использованный бокал.

В груди стал зарождаться гнев, который должен был тут же опрокинуться на голову прощтрафившегося раба наказанием; перед глазами мелькнула картинка длинной плети, рвущей нежную кожу со спины паренька, и тут же он очнулся от чужих жестоких грез. Это не он, бывший сержант, а ныне простой электрик небольшого израильского городка, думал так! Это хозяин апартаментов, в которых был для него одного накрыт стол, достойный Лукулла, рассуждал так жестокосердно, и... привычно.

А еще привычно шевельнулась тень у двери – высокой и широкой, покрытой затейливой резьбой – и прокуратор (как там зовут этого распорядителя – Клеон, кажется) выступил вперед на шаг, и махнул рукой. Лицо его было богато мимикой; безо всяких слов он и распорядился и сменой посуды, и обещанием скорой расправы над провинившимся рабом и...

Бесшумной тенью мелькнул апалекта, убирающий со стола. А рядом уже застыл с чистой посудой структор, готовый придать пиршественному столу первозданный вид.

Борис между тем перестал удивляться, хотя за пятьдесят два года прожитой жизни такого фортеля судьба ему еще не выкидывала.

– Если это сон, или кома в госпитале Хайфы, надо насладиться по полной. Кстати, – оглянулся он, отпив глоток подогретого вина, сдобренного пряностями настолько, что первоначального букета невозможно было различить, – тут ведь накрыто на несколько персон. И кого это

мы ждем? Кто вместе со мной будет пить это великолепное, хотя и испорченное немного пряностями вино, есть это жаренного павлина, или этих рябчиков, искусно уложенных на блюдо целой горой. Что интересно – буржуев еще нет, а рябчики – пожалуйста.

Он схватил с самого верха одну маленькую тушку и... сжевал ее целиком, с костями, которых не ощутил. А может там их и не было?

– А это что? Устрицы? Никогда не пробовал... Мда... Все таки мясо лучше. Да! – о гостях! Может это будут гурии, раз уж мы заговорили о рае?

У двери опять шевельнулся Клеон. Барух махнул рукой – этот жест был привычным, а значит не его, не левинский, и означал он: «Говори!»

– Господин мой, Марк Туллий, – густым, хорошо поставленным голосом провозгласил прокуратор, – прибыли гости твои, которые согласились разделить трапезу с тобой..

Левин едва не поперхнулся нежнейшим паштетом; Клеон говорил на древней латыни, и Барух его прекрасно понимал. Для пробы он, откашлявшись, произнес совсем коротко: «Кто?»

Раб у двери (высокопоставленный, но все таки раб) если и удивился забывчивости хозяина, виду не подал, и так же торжественно произнес:

– Терентия Квинтилла, дочь Августа, и Ливия Терция, дочь Сципиона.

Девушки – а это, судя по именам и нарядным девичьим столам – были дочери знатных патрицианских родов, словно ждали этих слов; они действительно прозвучали как приглашение. И молодые патрицианки вплыли в залу с гордо поднятыми головами. Осанку эту матери ставили дочерям с самого раннего детства; научиться простолюдинке за день, или даже год было нереально. Это были лучшие дочери своего народа – для этого времени, а Левин в своем сне попал, как он помнил из учебника истории древнего мира за пятый класс, в этот самый Древний мир. Древний им, если точнее. Во времена Цезаря, Суллы, или того самого Лукулла. Или Спартака, который, может быть, громит сейчас римские легионы.

– Нет, – отметил он памятью хозяина дома, вскакивая навстречу гостям, – никакого восстания еще не было. Хотя имя Спартак достаточно известно.

Впрочем, о знаменитом гладиаторе можно было подумать и позже, а пока он отпустил вожжи, разрешил рассыпаться в приветствиях:

– Божественная Ливия Терция, великолепная Теренция Квинтилла, как мне выразить ты радость, что испытал я, лицезрея ваши лица, пред которыми бледнеют лик и греческих, и римских богинь...

Левин с удивлением отметил, как ловко он спрыгнул с ложа, несмотря на застарелый радикулит, и как непривычно плоско у него под туникой – там где раньше он гордо похлопывал по отчетливо выпирающему пузу.

– Черт возьми, – он, как обычно в минуту волнения, перешел на русский язык, – что вокруг происходит? Куда я попал? И сколько мне теперь лет – не скажешь, барышня?

Барух повернулся к стоящей впереди подруги (а может и наоборот, соперницы – кто их знает?) красавице с вопросом, на который она, естественно ответить не могла. Но ответила!

– Двадцать, не больше, – на чистейшем русском языке произнесла Ливия Терция, изумившаяся как бы не больше его.

– Как?! – воскликнула пораженно Теренция Квинтилла – не менее чисто на языке Пушкина, – вы говорите по-русски?

Левин когда-то давно, в школе, пытался представить себе, что такое немая сцена. И только сегодня не понял, а до дрожи в коленках прочувствовал, что это такое! Секунды тянулись и тянулись; рабы (в их числе и две рабыни, занырнувшие в двери следом за господами) кажется даже боялись вздохнуть. Наконец Левин не выдержал первым:

– Давайте знакомиться по-настоящему. Может вместе пойдем, что за ерунда тут творится. Я Барух... точнее Борис Николаевич Левин; родился в одна тысяча девятьсот шесть-

десять третьем году в Самарканде; русский еврей. В девяносто втором эмигрировал в Израиль, работаю... работал в Хайфе электриком. Сейчас изображаю здесь хозяина дома – патриция Марка Туллия.

– А я Света; Светлана Кузьмина, тоже шестьдесят третьего года рождения. Учительница начальных классов из Вологды. Как попала сюда, не знаю. Ощутила себя в облике этой самой Ливии, после того, как, – девушка помялась, но все таки решилась продолжить, хотя видно было, с каким трудом она выталкивает из себя слова, – после того, как прыгнула с седьмого этажа, в окно собственной квартиры. Сама.

Она с непонятым вызовом посмотрела на Бориса, и тот смутился, пробормотал негромко:

– Были причины?

– Нет, – все с таким же вызовом отрезала Светлана, – не было причин ни умирать, ни жить. Ничего впереди не было – ни любви, ни одного родного человека. Только одиночество и зов бездны. Вот я и поддаюсь этому зову.

Она уставилась на Бориса своими огромными глазами, и парня (а как еще его называть, двадцатилетнего?) словно обьяло теплым облаком нежности – той самой, которую девушка копила всю жизнь.

– Эй, – достучалась до его сознания откуда-то издалека вторая девушка, – а мне представиться можно?

– Давай, – очнулся Борис, все еще пребывая в необыкновенно приподнятом состоянии духа.

– Я Жадова, Ирина Васильевна, окончила консерваторию по классу фортепиано; работала в музыкальной школе, в Самарской области. Тоже, как бы это сказать...

– Одинокая, и без всяких шансов, – подсказал Борис, и смутился от собственной резкости.

А Ирина не обиделась, кивнула:

– Какие уж шансы в пятьдесят четыре года.

– Ну сейчас тебе я бы больше восемнадцать не дал, – гораздо мягче польстил ей Левин, – наверное от женихов отбоя нет?

– Здесь с этим строго, – не согласилась девушка.

– И как же вы, такие красивые, тут оказались?

– Я, – пожала плечами Светлана, – до земли не долетела. Оказалась прямо перед дверьми этой комнаты. А когда услышала, как меня зовут – по здешнему имени, вошла в открывшуюся дверь. Так что вы первые, кого я здесь увидела.

– Аналогично, – кивнула ее новая подруга.

– Ну тогда, – замер на мгновение Борис, размышляя, какой из своих двух, даже трех натур отдать сейчас предпочтение; русская пересилила, – не отметить ли нам это событие бокалом подогретого вина, да под мировую закуску. Пробовали когда-нибудь паштет из соловьиных языков; а омара со спаржей?

– А ты? – засмеялась, еще раз обдав парня теплым облаком благожелательного тепла, Света Кузьмина, она же Ливия, дочь Сципиона.

– А как же, – важно кивнул Левин, и тут же, не выдержав, приснул, – только что.

– Ты еще скажи, что мы тебе помешали, – присоединилась к их веселью Ирина, подхватывая Кузьмину под локоть.

Марк Туллий оглядел критичным взглядом стол; все было как в лучших домах... тьфу ты – Лондон-то, наверное, еще не построен; Рима, конечно. Впрочем его дом в Падуе немногим римским уступит...

Девушки, несмотря на внешнюю хрупкость, аппетитом обладали отменным. Может они тоже опасались, что этот сон кончится, и придется вернуться к блюдам, приготовленным соб-

ственными руками из продуктов, закупленных в «Дикси» про запас? Да и Левин не отставал от них, хотя успел нахвататься изысканных яств до прихода гостей. Римские патриции с душами и здоровыми аппетитами русских, казалось перепробовали все на столе; чужая память услужливо подсказывала: эти устрицы из южной Италии, целиковый журавль из Греции, рябчики (есть ли в них все же кости?) из Малой Азии... Лед в новых бокалах с вином из собственных ледников, так же, как из собственных угодий вон та огромная курица с хрусткой корочкой, размерами превышающая крупного гуся.

Блюда все прибывали и прибывали; парень уже не замечал, откуда выныривали ловкие руки структора... может таких подавальщиков было несколько? Или это вроде бы слабенькое вино заставляет кружиться голову; точно – вино, и нежный смех Светы Кузьминой – такой родной, словно Борис всю жизнь слушал его. Какое-то шевеление у двери сдернуло пьяную пелену с глаз – это Клеон явно пытался привлечь внимание.

– Говори, – повелительно махнул рукой Борис – теперь уже он сам, а не призрак Марка Туллия.

– Господин мой, Марк Туллий... Позволь напомнить, что ланиста Лентул Батиат выставляет сегодня пятьдесят гладиаторов в честь назначения твоего отца консулом Великого Рима. Лучшая ложа амфитеатра ждет тебя и твоих гостей.

Борис оглянулся на девушек. Он не без основания предполагал, что русские девчата, в отличие от римских патрицианок, будут не в восторге от кровавой бойни в местном «коллизее». К его удивлению, глаза Светы и Ирины блестели; они задорно кивнули. Может, это не они, а как раз патрицианки жаждали сейчас кровавых сцен; может русские души уснули сейчас, убаюканные коварным алкоголем?

Как бы то ни было, уже через несколько минут они, не переодевшись (физиономии рабов и рабынь выражали железное равнодушие), погрузились в шикарный паланкин и это средство передвижение – очень недурное, если, конечно, не ты сам несешь кого-то – понесло их, покачивая, к толпам римлян, жаждущим развлечений.

Амфитеатр встретил их приглушенным гулом, и гул этот, предвкушающий кровь и смерть, заставил их мгновенно протрезветь. А когда после громкого представления первой четверки противников на арене, покрытой чистым песком, зазвенел металл, а потом этот песок оросила первая струя крови, девушки, побледнев, вцепились в с двух сторон в Бориса. Но требовать от патриция, чтобы он немедленно прекратил это побоище, или хотя бы увел их отсюда, не стали. Посреди неистующей толпы их ложа выглядела островком молчаливой скорби и сочувствия проигравшим, для которых зрители неизменно требовали смерти. И кровь опять лилась на песок, неустанно подсыпaeмый рабами, и никому не было дела до бледных лиц русских переселенцев, точнее подселенцев.

Наконец глашатай объявил главный бой вечера:

– Непобедимый Спартак против великолепного Крикса!

В груди Левина что-то дрогнуло, а девчата опять вцепились в него, жарко шепча ему сразу в оба уха:

– Неужели это он? Тот самый Спартак?! А если его убьют? Что будет, если его убьют?

– До не знаю я, – чуть ли не стряхнул их обратно на сидения ложа Борис, – я другое знаю, точнее помню – они ведь друзья, они вместе должны поднять восстание. Как же они будут сражаться сейчас.

А сражение все таки началось. Бойцы, мощные фигуры которых можно было в мельчайших подробностях разглядеть на арене, двинулись по кругу, внимательно наблюдая за движением соперника. Крикс был помассивней, что не делало его менее подвижным; но в Спартаке, каким-то неведомым образом понял сержант Левин, все было наполнено энергией победителя; он на каждый бой выходил за победой, и неизменно побеждал. Спартак был вооружен коротким мечом с широким лезвием и небольшим щитом, способным прикрыть разве что лицо

поединщика. У Крикса щита не было, зато меч длиной превосходил длиной раза в два. Он и сделал первый выпад, рубанув крест накрест так, что Спартаку оставалось только отступить назад. Он и сделал это... вроде бы – отступив только от первого замаха. Второй он поймал в самой высокой точке, и шагнул вперед, подставляя под удар щит, а еще быстрее устремляя вперед свое короткое оружие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.